

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
ИМ. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ХОСРОВ ДЕХЛЕВИ

ИЗБРАННОЕ

Составитель **Шанслам Шамухамедов**

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1980

Редколлегия: Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Расулев Х. Р., Рустамов А. Р., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М., Мухтарова Х.

Известный персоязычный поэт Индии Амир Хосров Дехлеви (1253—1325) является автором многочисленных лирических стихотворений, исторических поэм, а также книги поэм „Хамсэ“ („Пятерница“).

В этот сборник включены отдельные стихотворения и отрывки из поэмы „Восемь райских садов“.

Редактор **Борис Пармузин**

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1980.

ПОЭЗИЯ ХОСРОВА ДЕХЛЕВИ

Амир Хосров Дехлеви (1253—1325) — известный персоязычный поэт Индии. Он прославился и как одаренный литератор, историк, музыкант, автор ряда исследований по теории музыки. Амир Хосров Дехлеви — поэт многогранный и самобытный. В его творчестве, полном тонкого лиризма, отражены думы и чаяния различных слоев общества. Глубокая философская поэзия Дехлеви привлекала сердца и умы читателей многих стран и поколений.

Отец Амира Хосрова происходил из тюркских племен Средней Азии. Живший в Кеше (современный Шахрисабз), он вынужден был бежать от монголов и обосноваться в Северной Индии, в Дели. Здесь и родился будущий поэт. Так как большую часть жизни Амир Хосров провел в Дели, он писал под псевдонимом Дехлеви — «делийский». В 1261 году отец будущего поэта погиб в битве с монголами, и мальчика с восьмилетнего возраста воспитывает его дед Имодул-мулк, который уделял особое внимание разностороннему образованию внука. Одним из критериев образованности считалось знание языков, поэтому Хосрова обучают ведущим языкам Востока. Хосров очень рано начал писать стихи, которые в первые годы своего творчества подписывал псевдонимом «Султани».

Литературное наследие Амира Хосрова огромно. По данным самого поэта, он написал более 400.000 бейтов. Абдурахман Джами указывал, что Хосров — автор 99 книг. Перу Амира Хосрова принадлежат произведения, написанные почти во всех литературных жанрах того времени.

Лирика поэта собрана в пяти диванах (сборниках стихов), соответствующих пяти жизненным этапам. Это «Тухфат ас-сигар» («Дары юности»); «Васатул-хайт» («Середина жизни»); «Гуррат ул-намол» («Начало совершенства»); «Бакия ун-накия» («Избраннейшие из избранных»); «Нихоят ул-намол» («Вершина совершенства»).

Лирику Амира Хосрова Дехлеви отличают богатство образов, ярких и точных сравнений.

С величайшим мастерством поэт воспекает тонкие переживания людей, надежды и радости влюбленных.

Алишер Навои ставил имя Дехлеви в один ряд с та-

кими гениальными и признанными лириками, как Хафиз и Джами, и написал целый ряд поэтических ответов на его газели.

Огромна заслуга Дехлеви в становлении и развитии жанра газели, занявшей видное место в персидско-таджикской классической литературе. Такие ученые, как академик А. Е. Крымский, немецкий востоковед Герман Эте, чешский ученый-ориенталист Ян Рипка считали Амира Хосрова великим гением дохафизовской лирики.

В своих произведениях Амир Хосров Дехлеви призывал к справедливости, торжеству знаний, клеймил невежество и жестокость правителей, угнетателей бедного люда.

С 1289 года Амир Хосров начинает писать эпические произведения. Широко известны его лиро-эпические, так называемые исторические поэмы. Среди них «Кирон ус-саъдайн» («Слияние двух счастливых звезд»); «Мифтах ул-футух» («Ключ побед»); «Дувалрани и Хызрхан»; «Нух сипехр» («Девять небес») и другие.

Амиром Хосровом была создана «Хамсэ» («Пятерица»), как поэтический ответ на «Хамсэ» великого азербайджанского поэта Низами Ганджави.

В нее вошли поэмы: «Восхождение светил», «Ширин и Хосров», «Меджнун и Лейли», «Зернало Искандера» и «Восемь райских садов».

Язык «Хамсэ» Амира Хосрова легок, нежен, страстен. Доходчивость и простота его делает эти произведения близкими к народным.

Творчество Амира Хосрова Дехлеви, его «Хамсэ», исторические поэмы, лирика обозначили собой одну из важных ступеней в литературном процессе народов Среднего и Ближнего Востока.

Алишер Навои любил творчество Хосрова, считал его своим учителем и называл «индийским чародеем». Классик узбекской литературы Мухаммад Риза Огахи переводил на узбекский язык поэму Амира Хосрова «Восемь райских садов».

В советский период творчеству Амира Хосрова Дехлеви посвящены исследования ведущих ученых. Его произведения переведены на многие языки нашей страны.

Шаислам ШАМУХАМЕДОВ.

ГАЗЕЛИ

О свет небес, язык огня,
им все вокруг озарено.
Дай, кравчий, в честь начала дня
огнепоклонников вино.
Отправь корабль мой, может, я
куда-нибудь и доплыву,
Хоть в море горя берегов
нигде найти не суждено.
Нет, нет, скорей красой своей
заставь меня печаль забыть,
Ну хоть на миг счастливым быть,
чтоб сразу стало все равно.
Пойдем со мной, к тебе прильну,
тебя за шею обниму,
Ты от вина совсем пьяна,
мне ж горем пьяным быть дано.
Тебе рабынею луна,
пьяни красой меня спьяна,
Хоть не умыта после сна
и не причесана давно.
Эй, музыкант, рвани струну,
пусть брызнет тучей звуков дождь,
Ты аскетизм, что сушит нас,
смочи мелодией шальной.

И легче вдруг, и ты хмельна,
и музыкой сражен Хосров.
А ну, на радостях, давай,
в любви закружимся со мной.

* * *

Умный народ, что от забот
и дел мирских отказался.
Разум поймет, почему от хлопот
он в кельи свои забрался.
Вот мудрецы, вот хитрецы
добрые дни повядали,
Не оттого ль лучше всего
им мир в углу показался.
Духом парят попусту, зря,
ибо, неспешно, другие
Мирно пасутся себе, и им
рай с плодами достался.
Нет у таких дел до других,
этот отряд старейший,
В мир единенья себя устремив,
в мире ни с чем расставался.
Стоя на месте, хоть на пути,
разве дойдешь до цели,
Волей-неволей, а надо идти,
только тогда и добрался.
Тот же народ, чью душу гнетет
злая воля к наживе,
Душу в заклад, продать себя рад,
на клочок земли разменялся.
Эй ты, Хосров, не роняй браанных слов,
под громкозвучным сводом,
Все, что сказал, то и слышал,
к народу ты обращался.

* * *

Безмерно счастливы глаза, что на тебя глядят,
Сердца, вдыхающие твой небесный аромат.

Но льют, увы, мои глаза кровавые ручьи.
Как им не плакать, коль с тобой соперники мои?

Ты держишь зеркало в руке и ловко завиток,
Меня разящий наповал, спускаешь на висок.

И обрамляет ночь волос твой бледный лик. На нем
Играет бледная заря предутренним огнем.

Ты аромат у кабарги, наверное, взяла,
Она же у твоих кудрей пушистость заняла.

Мне твоего и волоска не подарила ночь,
И жизнь моя на волоске, и мук не превозмочь.

Индийцы всходят на костер, а я уже сожжен.
Твоим индийцем стал Хосров, хотя и тюрок он.

* * *

Я рассказать печаль моих ночей не в силах,
Любя, рыдать и петь, как соловей, не в силах.

Вглядись в мое лицо, и ты поймешь, как таю,
Но, вижу, ты понять тоски моей не в силах.

Взгляни на грудь мою в кровоточащих ранах,
Терпение хранить я больше в ней не в силах.

Все ж, радуюсь тому, что ты проникла в душу,
Хоть я к твоей душе найти ключей не в силах.

Быть может, мне вернешь похищенное сердце,
Но слезно умолять: «О, пожалей!» — не в силах.

Его в твоих кудрях навеки я оставляю.
Вернуть Хосров того, что взял злодей, не в силах.

— 7 —

* * *

Я в этот мир пришел в тебя уже влюбленным,
Заранее судьбой на муки обреченным.

Ищу с тобою встреч, ищу как озаренья,
Но гордость не могу забыть ни на мгновенье.

О, смилуйся и скинь густое покрывало,
Чтоб сердце пало ниц и бога потеряло!

Отбрось надменность прочь, лицо приоткрывая,
Чтоб гордость вознесла меня в обитель рая.

А если ты меня не удостоишь взглядом,
Покину этот мир, что стал при жизни адом.

Нет, сердца никому не дам пленить отныне,
Чтоб жить в его плену отшельником в пустыне.

И что же услышал Хосров в ответ на стоны:
«Придет и твой черед, надейся, о влюбленный!»

* * *

Ты сняла мне луною. Нет со мной моей луны,
И от дыма стонов: «Боже!» — ночи душны и черны.

Будьте вы благословенны, ночи пьяные любви!
Отстонали, отрыдали, улетели соловьи.

Я твержу хвалу ресницам, полумесяцам-бровям,
Как твердят аят Корана в медресе:
«Нун ва-л-калам!»

Что отвечу, если спросишь, как я ночи провожу?
Одиноко до рассвета я у стен твоих брожу.

О, приди, душа, что может быть душою тысяч дел,
Тех, кто души потеряли от твоих разящих стрел!

Коль души лишит подруга, не кляни судьбу,
Хосров!
Ведь обычай у красавиц с дней творения таков.

* * *

Вновь сердце бедное страдает на улице, где милой
дом,
Оно, как муха в паутине, — нет сострадания
ни в ком.
О ветерок, ты веешь всюду, прошу: с упреком
ей скажи:
«Зачем так быстро позабыла того, кто долго был
знаком?»
Смотрю: кругом одни руины, где замок был моей
любви,
А я о ней забыть не в силах; все мысли только
об одном.
Так до конца несчастной жизни воспоминаний бред
со мной,
И ночь прошла в слезах и столах, опять я не
забылся сном.
Она, как молния, сжигает, как солнце, может
воскресить,
Ее огонь — животворящий, а я свечой сгораю
в нем.
Душа страдать давно устала, в любви пощады
не проси,
Мы пьяны, снова виночерпий багряным потчует
вином.
О сердце, не пора ль вернуться из странствий
по чужим садам,
Чтоб сбросить тяжкий груз печалей и в доме
отдохнуть родном?
Не знал нужды, она явилась и ввергла в горе
и позор,

Но одержимому не стыдно, когда в душе царит
разгром.
Хосрову чужды обольщенья мирских забот
и суеты,
Огонь клевать привыкла птица — ее не соблазнить
зерном.

* * *

Я по тебе схожу с ума, кумир и благодать!
Повсюду начали меня Меджнуном называть.
Ум гаснет, веру позабыл — и все из-за тебя,
Боюсь, что и души лишусь, теперь недолго ждать.
В разлуке так я исхудал, что каждый волосок
Из пышных локонов твоих мне домом может стать.
И не заметит гребешок, — так тонок я и худ, —
Меня, в волне твоих волос расчесывая прядь.
Я одержим тобой, а цепь — мне волосы твои, —
О, дай мне грамоту на них, а к грамоте — печать.
Светла, Хосров, твоя свеча, но ярче милый лик,
Вокруг него велит тебе любовь всю жизнь летать.

* * *

Цветник в кипенье ярких роз, бутон прекрасный
где?
Друзья на праздник собрались, тюльпан мой
красный где?
Она улыбкой подарит — всех превратит в рабов,
А утоление найти от мук ужасных где?
Ищи богатство, говорят, и радость обретешь —
Богатства, радость у больных и у несчастных где?
Родник живой воды нашел и стал счастливым
Хызр,
А мой родник живой воды, клянусь, неясно где.
«Отдай ей душу, — страж сказал, — найдешь тогда
покой».

Душе влюбленного найти покой бесстрастный где?
Я ей сказал: «Пока живу, во мне ты, как душа!»
Она в ответ: «С такой душой быть безопасно где?»
Мне говорят: «Терпи и жди: она придет сама.»
Я долго ждал и изнемог: кумир всевластный где?
Там, где взошла моя луна, другие не взойдут,
Но светит где теперь она, кричу я страстно: где?
Ответам, клятвам я внимал. Какая им цена,
Когда измученный Хосров твердит напрасно: где?

* * *

Покой души моей потерян, его ищу напрасно я,
Она покинула, забыла, в душе коварство затая.
Весна струит нектар и мускус, цветут тюльпан
и гнацинт,
Где кипарис мой тонкостанный, моя весенняя заря.
Потоки слез мой путь размыли, друзья смеются
надо мной,
Душа в ином блуждает мире, как одинокая ладья.
Мой праздник отравила горечь — разлуки терпкое
вино,
Где та, что рассыпает сахар, чья речь — медвяная
струя?
Я худ и тонок, словно нитка, глаза — рубины
в блеске слез,
Коль виноват, за все отвечу, в чем виноват я,
мой судья?
Душа обуглена разлукой, из глаз — кровавых слез
поток,
Вино, кебаб давно готовы, где гостья милая моя?
К ней в гости сердце навязалось и с ней осталось
навсегда,
Теперь и сердца я лишился, живу напрасно,
плачу зря.

Все притеснения жестокой терплю, скрываю —
и молчу,
Она не говорит ни слова, молчаньем жалит,
как змея.
Хосров, ты отдал все любимой, ей жизнь твоя
принадлежит,
Душа, как птица, улетела и мчит в неизвестные
края.

* * *

Немало с ней провел ночей, но все прошло, как
сон,
Теперь глотаю горький дым — и мрак со всех
сторон.
Не позабыть мне тех ночей, как пьян был без
вина,
В глазах темнеет, не могу сдержать печальный
стон.
О красоте ее очей повсюду я твержу —
Так школьник алифбе твердит, когда усерден он.
В глухую полночь вдруг друзья начнут меня
искать,
Найдут — во прахе я лежу и прахом заметен.
Молю: «Вернись, моя душа, и воскреси меня!»
Своих рабов сгубила ты, взяв души их в полон.
Не плачь, Хосров, тебя сразил любимой острый
меч,
Красавицам не привыкать — у них такой закон.

* * *

В костре любви сгорело сердце, пусть рассыпается
золой,
Души лишившись, вянет тело, пускай его иссушит
зной.

Ограблен пленник, а грабитель — лукавых локонов
волна,
Пускай насквозь пронзит мне сердце твой лук
кровавою стрелой
Себе на гибель лик твой нежный хочю чтоб был
еще нежней,
А сердце твердое, как камень, пускай возвысится
скалой.
Благословить меня захочешь, скажи, влюбленному,
захид:
«Любовь бессмертна, вечно будешь ее опутан
кабалай!»
Рассечено печалью сердце, недуг коварен, зол,
жесток,
Но если так угодно милой, пусть будет непомерно
злой.
Она, все видят, кровожадна, пусть жертвой будет
жизнь моя,
Я не устану славословить и осыпать ее хвалой.
Хосров рыдает безутешно, подол промок от горьких
слез,
Пусть и она рыдает горько и ходит с мокрою полою.

* * *

О, как стерпеть, когда проходит рядом,
Не удостоив даже беглым взглядом.
Ушла, не посмотрев, как жизнь уходит,
Досада в душу просочилась ядом.
Пусть недостойны мы ее коснуться,
Пылинка из-под ног ее награда.
Нас умники учить всегда готовы,
А страсть сметает разума преграды.
Напрасный труд: любовь сильнее
рассудка, —

Лицо — шафран и слезы льются градом.
Бальзам любви нам даст глоток покоя,
Опять недуг выходит из засады.
И от души осталась горстка пепла,
От страсти нет влюбленному пощады.
Хосров сгорает в пламени высоком,
Но это пламя — жизнь, гасить не надо!

* * *

Услада глаз и свет очей, люблю тебя все боле,
Волною мускусных волос, пленен я поневоле.
Все люди на твоём пути тебя благословляют,
А я любовь благословлю на золотом престоле.
Кокетство, чары, гнев и смех — как должное
приемлю,
Привык я к рабству своему, к своей сердечной
боли.

Свирепый меч ты подняла над головой моею,
Она давно у ног твоих, и нет ей лучшей доли.
Тебе весь мир принадлежит, ты наших душ —
владыка,
Убить меня иль пощадить — в твоей высокой воле.
Сказала: «Любишь — так рыдай и слез пролей
потоки».

Давно от слез моих потоп — ты их не видишь,
что ли?

Душа покинула меня, в груди ей стало тесно,
Ей сладко жить в твоём плену, в жестоком
произволе.

Пушок над алым нежным ртом — здесь Хызр
нашел источник,
У родника живой воды, скажи, страдать доколе?
О подари мне поцелуй и жизнь взамен потребуй,
Чтоб не был радости лишен Хосров в земной
юдоли.

* * *

С тонкостанной возлюбленной я разлучен,
И души, и надежды, и жизни лишен.
Плачут кровью открытые раны очей,
Мой живой кипарис от меня отлучен.
Как разлука горька, вы спросите того,
Кто оставить отчизну навек осужден.
Как страданьем измучено сердце мое,
Знает старец, недугами взятый в полон.
Так горюет садовник в увядшем саду:
В пенье птиц ему чудятся слезы и стон.
Раб любви, я укрылся под сенью тоски
И молчаньем утрат, как стеной, огражден.
К повелителю сердца лети, ветерок,
И скажи, что Хосров, как и прежде, влюблен.

* * *

Подай мне чашу, виночерпий, царица мира здесь,
со мной,
И мой цветник у ног любимой разлился яркою
волной.
Не нужно мне халвы и меда, она — и сахар и
шербет,
Мне и вина теперь не нужно — хожу от радости
шалльной.
Любимая в моих объятьях, от смерти я спасен,
спасен!
Она дала мне утешенье, покой душе моей больной.
Дружи, голубка, с алой розой — она прекрасна и
нежна —
С ходячим стройным кипарисом, с моей
прекрасною княжной.
О ветер утра молодого, лети в цветник моей
любви,

Ее уста — бутон пурпурный, расцветший раннею
весной.
Душа, сегодня ты свободна! Я не умру, хотя
любовь
То мучает меня прохладой, то повергает в лютый
зной.
В ее устах — вся сладость мира, их сахарными
назову,
И пчелы роем прилетают — их приманил нектар
хмельной.
О, сколько лет Хосров скитался и счастье, наконец,
обрел
В душистых локонах любимой, в ее улыбке
озорной.

* * *

Влюбленные гордятся ранами, которые
неисцелимы,
Слезам горькими и сладкими, которые неутолимы.
Не станет мудрый зря бахвалиться, не назовет
любовь забавой,
Известно мудрому влюбленному: любовь и боль
неотделимы.
Не бойтесь восхвалять возлюбленных, пусть знают,
что они прекрасны,
Для них нет выше наслажденья, чем ведать, что
они любимы.
Порой на нас несчастье свалится, жестоко мучает
недугом,
Меня пусть мучают красавицы недугом самым
нестерпимым.
Душе заботы и волнения, о сердце, приносить
ты радо,
Меня опять любовь замучила, о сердце, ты
неисправимо.

Все сердца людские плачут, а Хосров
Носит в сердце ядовитую стрелу.

* * *

Жизнь мою сожгла печаль, кто судьбой мирской
займется?

Сердце в плен попало к ней, кто моей судьбой
займется?

Красота в сто тысяч солнц озарила, ослепила,
Вся душа моя в огне, кто моей душой займется?
Красоте поклон и честь, в ней спасенье и погибель,
В испытаниях любви кто моей бедой займется?

Ты горда и молода, занята одной собою,
Кто ж влюбленных утолит, кто же их толпой
займется?

У порога твоего, как собака, под забором
Буду я лежать в пыли, кто несчастным мной
займется?

В сад идти с тобой нельзя, там цветы тебя ревнуют,
Блекнет юных роз пурпур, кто их красотой
займется?

Ты Хосрова пощади, если ты его погубишь,
То стихами о любви кто тогда другой займется?

* * *

С возлюбленной я в разлуке, и нет от нее вестей,
Но память хранит былое, думаю только о ней.
Забить ли мне миг счастливый: красавица вдруг
вошла

И ослепила, как солнцем, сияньем своих очей.
Мои печальные ночи беременны злой тоской,
Быть может, родят под утро печали еще сильней.
В садах не найти покоя, туда не зови, о друг,
И в одиночестве грустно и грустно среди гостей.

Готов на любую жертву и жизни не буду жалеть,
Не вырваться мне из плена, из крепких твоих
сетей.

Моей гибели хочешь — она избавление от мук —
Так крепко схватил беднягу коварный капкан
страстей.

Известно: твой раб не может и дня прожить без
тебя,

Но он испытать себя хочет и жить по воле своей.
Напрасно игру я начал, меня поражение ждет,
Она — владычица жизнью и даже наших смертей.
Газели Хосров слагает, не всем их дано понять,
Кроме влюбленного сердца, нет им других судей.

* * *

Выйди, желанная, в сад, там я брожу одинок,
С жизнью прощаться пора, выйди ко мне на часок.
Пусть меня в прах превратят, тернии выжгут глаза,
Если без милой моей нужен мне царский чертог.
Алые розы любви даришь ты щедро другим,
Не для меня лепестки, дай из шипов мне венок.
Двери целую твои, этим я счастлив и горд,
Нежные губы твои пусть возвратят мне должок.
Если захочешь отнять душу и ум у меня,
Вот голова — отсеки: в ней всех желаний исток.
Кос твоих крепкий аркан сердце мое захлестнул,
Если б из этой петли вырвать я бедное мог!
Друг утешает меня: «Полно, Хосров, горевать!»
Нет, не понять и друзьям, как я в плену изнемог.

К Ы Т Ъ А

Хотя слова нужны — они услада слуха,
Молчать, чем говорить, похвальней во сто крат.
Кто, как жемчужница, весь превратился в ухо,
Тот скромный человек, он мудростью богат.
Пусть гребень стоязык — ему мы доверяем:
Он наших тайн не выдаст невпопад.

*

Что толку восхвалять богатства,
В них лишь невежды видят прок.
Хвалы достойны труд и братство —
Добра и мудрости исток.

*

Что сердце мое с тобой, что я в разлуке тоскую,
Взяв калам и бумагу, пишу дрожащей рукой...
Но безутешно заплачу, и все, что успел написать,
Смывают бурные слезы, хлынувшие рекой.

*

Порой и станом и лицом — всем человек прекрасен,
Но нет добра в нем ни на грош и правды не
найдешь.

Пусть негодяй хорош собой, но он письму подобен,
В котором почерк неплохой, а содержание — ложь.

*

Эй глупец, накопил ты немало богатства,
Ты в оковах из золота и серебра.
Погубил свою жизнь ты безбожно и глупо,
От забот поседел — и в могилу пора.

*

Уменье, знанье к нам потом приходят, —
Сначала все равны мы, от рожденья,
И нам важнее мудрость в человеке,
Чем родовитость и происхожденье.
Стальной клинок дороже золотого:
Не золото, а сталь нужна в сраженье.

*

Стихи, о Хосров, от неправды
должен всегда ты беречь,
Несчастье — с невеждами знаться,
с подлыми знаться — беда!
Достойных прославишь хвалою —
перлами станут слова,
Стихи, коль презренного хвалишь,
скроет забвенья вода.
Дождинка, упавшая в море,
может жемчужиной стать,
А та, что упала на землю,
в ней и умрет без следа.

*

Обида сердце обожгла,
Потом порадовали сердце.

Не хочет сердце помнить зла,
Но некуда обиде деться.
Порвав веревку, без узла
Её связать не знаю средства.

*

Когда друзья вступают в спор, то уступить один
обязан,
Чтоб узы дружбы уберечь, сердца связующую
нить:
Веревку тянут с двух концов — она наверняка
порвется,
Одна уступит сторона — веревку можно сохранить.

*

Когда повсюду честным ты прослыл,
Поверят, коль солжешь ты по нужде лукаво.
Но если ты везде прославился лжецом,
И правду скажешь — не поверят, право.

*

К невежливym словам не нужно привыкать,
От грубости всегда бывают стыд и срам.
Посеешь вежливость — и вежливость взойдет,
А оскорбишь людей — в ответ услышишь: хам!
Подумай и свои поступки оцени,
Поймешь, что человек за все в ответе сам.

*

Я раб того, кто знанием богат,
Кто щедростью заслуженно известен.
Невежда, ждущий славы без забот.
Пусть убирает грязь в отхожем месте.

*

Все судьи лицемеры в наше время,
Отступники от совести и веры.
Все знание их — чалму носить умело
Да гордые, надменные манеры.
В одежде шариата ныне воры,
Исчезли все достойные примеры,
Иск на дирхем, а надо дать динары —
Такие взятки приняли размеры.
От притеснений суд нам был защитой,
А ныне судьи псы и изуверы.
Газну монголы грабили когда-то,
Ваш суд страшней монголов и холеры.
Пусть от судей, Хосров, судьба избавит,
Ведь в алчности они не знают меры.

*

Имя напишет поэт, словно поставит печать,
Теперь за свои стихи вечно ему отвечать.
Тело Хосрова умрет, быть может, недолго ждать,
Стихи его не умрут — вечно будут звучать.

*

Когда воспитан человек, талантлив и неглуп,
Своими знаниями нигде не возгордится он.
Павлину нужен пышный хвост — в том вся его
краса, —
Тот не ученый, а павлин, кто сам в себя влюблен.

*

Всюду ты говоришь, что стихом не владеет Хосров,
Что не знает аруза. И это ты считаешь грехом?
Не по правилам пишут стихи, их диктует талант,

Я искусство ценю, а с твоим ремеслом незнаком.
На весах моих золото, ты же привык к ячменю,
Неужели не грустно тебе в положении таком?
Я стихи написал, ты их меришь, как в лавке купец,
Да ведь золото разве по весу сравнить с ячменем?
Лишь искусство способно измерить алмазы стихов,
Ты смешон, деревенский кустарь, убирайся добром!

*

Способный и богат, и власть дана ему.
Беда бездарному — пуста его казна.
Так, если свет дневной не проникает в угол,
На солнце не пеняй, в том комнаты вина.

*

Поистине вежливость — признак ума,
Ты глуп, если грубость оружием избрал.
Где дело решает согласие и мир,
Лишь грубый дурак поднимает скандал.
Иголку ценить нужно выше меча:
Она зашивает, что он разорвал.

*

Судьба не пощадит коварных негодяев,
Предавших дружбу и завет отцов.
Фитиль из лампы тянет в пламя масло,
Но он и сам сгорит в конце концов.

*

Иду я дорогой опасной и трудной,
И мужество служит в пути мне подмогой.
Не хвастаюсь тем, что я смел и бесстрашен,
Таких смельчаков без меня очень много.

*

Стихи прекрасны, но грешат чрезмерною хвалою,
Они способны погасить в горящем сердце пламя.
Так гаснет жаркая свеча от легкого дыханья,
Пусть это дует сам Иисус небесными устами.

РУБАИ

Туча, как одеяло, окутала вешний сад,
Поит она деревья, словно овца ягнят.
Юная роза стала тоньше еще и нежней,
Не под силу, боюсь, ей тучи тяжелой взгляд.

*

Одна отрада — лик твой молодой.
Одна награда — в сердце образ твой.
А без тебя зачем мне жить на свете
И дни влачить ненужной чередой.

*

Он чист и ароматен, любви моей чертог,
В весенний день от милой примчался ветерок.
Чтоб жизнь моя продлилась, спешу скорее к ней —
Там всех моих печалей и радостей исток.

*

Если хочешь, разлукой меня покарай,
Если хочешь, свиданья дай сладостный рай.
Разве мне поучать своего повелителя,
Как захочешь, с рабом своим так поступиай.

Сказала мне: «Пади во прах у моего порога!»
Лежу в пыли в твоих ногах у твоего порога.

*

Глаза о ресницах ведут разговор,
А в сердце моем и печаль и раздор.
Недуга не скрыть, но об этом недуге
Тебе не скажу, мой пленительный вор.

*

Ярко и многоцветно дивное торжище слов,
Только каждому слову дан свой предел, о Хосров.
Видно, главное слово сказать мы пока не сумели,
Хвастаться не пристало, что был богатый улов.

*

Не жаждой золота — страданием грудь полна,
Не алчностью — нуждой измучена она.
Когда б иметь жилье, ячменный хлеб и воду,
О боже, лучше жизнь мне просто не нужна!

*

Кто мы? Вода и прах. Так не гордись, мой милый,
Всем смерть грозит, не избежишь могилы.
Из праха ты рожден и превратишься в прах —
В бездушный прах, летучий, но бескрылый.

*

Тот, в ком душа жестокого тирана,
Погубит душу поздно или рано:
Обиды стрелами ее пронзят насквозь.
Кто вешает, не избежит аркана.

*

Все тайное и явное, Хосров,
Ты превращаешь в жемчуг дивных слов.
По слову твоему приходит мир в движенье,
Но только не затрагивай ослов.

*

С разбитым сердцем, двигаясь с трудом,
Я еле отыскал любимой дом.
Покрыл ее порог я поцелуями,
Их смысл слезами горькими потом.

*

В том, милая, твоя вина, что стало все известным,
Что ныне тайна всем видна, что стало все
известным.
Твой взгляд зажег, а мой язык открыл сердечный
пламень,
Неосторожности цена — вдруг стало все
известным.

*

О милая! Враждой меня терзать доколе?
И горем сердце мне, скажи, пронзать доколе?
Вся жизнь моя — печаль ревнивая и слезы, —
Скажи, я обречен еще страдать доколе?

*

Вечный пленник, тобой я одной одержим, без тебя
Как живу на земле, как храним без тебя?
Ты об этом не спросишь, но был я твоим без тебя,
Поседел я в разлуке, угас, стал, как дым, без тебя.

*

В сердце взрастил я своим верности семя —
и хватит,
Отдал я душу тебе, разум и время — и хватит!
Ты вопрошаешь: «Кого другом считаешь ты,
милый?»
Друг лишь один у меня здесь и в эдеме —
и хватит.

*

Мимо милого дома иду — вспомнил все, что
бывало,
Что так быстро пришло и ушло, что давно
миновало.
А кровавые слезы все льются и льются из глаз:
Здесь ходячая роза моя красотой сняла.

*

Тысячу мук от тебя я стерплю,
Тысячу ласк я дождусь — я люблю.
Видеть хочу лишь тебя, дорогая,
Душу я ради тебя погублю.

*

Украла разлука и ум, и покой у меня,
Душа отлетает, несчастную долю кляня.
Без дома любимой бездомному псу я подобен,
Без милых очей у меня нет ни ночи, ни дня.

*

Коль слезу пролью на землю, роза вспыхнет,
словно пламень,
Коль стенаю, чанг ревнует, вторит звонкими
струнами.

Пожалей, мне грудь стеснило, сердцу больно и
тревожно,
А в твоей груди не знаю, что там: сердце или
камень?

*

Бесплодно жил я; век мой гаснет краткий,
Я не достиг заветной цели сладкой.
Я столько мук и горя перенес —
Душа, лишь вспомнит, слезы льет украдкой.

*

Пусть жизнь всегда мне нравится — и алое вино,
Пусть опьянит красавица — и алое вино,
Когда же небо сделает кувшин из праха нашего,
Пусть и кувшин прославится, и алое вино.

*

Душа пронзена тобой, и скорбь ее велика.
Душа без тебя в огне, глаза — как два родника.
На кольях ресниц палатку построили слезы мои,
И в снах только ты и ты, а ты от меня далека.

*

Мне говорят: «Плотней глаза закрой,
Чтоб не смущал красавиц грешный рой».
Мне закрывать глаза не нужно вовсе,
Я, словно солнцем, ослеплен тобой.

*

Да, ты забывчива, меня забыла снова,
А я без памяти — и о тебе ни слова.
Забившись в уголок, сижу я и молчу,—
За что, о господи, караешь так сурово?

*

Пришла любимая в мой дом ночной порой,
Казалось то Луной, то нежною Зухрой.
Я сладких уст лишь раз коснулся поцелуем
И до сих пор хожу разбитый и хмельной.

*

О ревность, казнь твоя страшна: будь дервиш, будь
король,
Как будто в печень нож вонзят — и сыплют в рану
соль.
Мужские, женские сердца привыкла ты терзать,
Несчастен тот, кого ты жжешь, рождая гнев и
боль.

*

Лишь вспомню звезды милых глаз и алых уст
гранат,
Мне чудится в моем саду жасмина аромат.
Я знаю, нам с тобой теперь не встретиться вовек, —
Нарцисс цветет, в нем узнаю я твой лукавый
взгляд.

*

Посмотри: страданиям, мученьям не видно конца,
Брошен в жаркий костер, на котором сжигают
сердца.
Беспощадное сердце твое — моих мук и страданий
причина,
Но душою я тверд: не достойна печаль мудреца.

*

Бедное сердце мое прекрасная пери сгубила,
Бедное сердце мое запуталось в локонах милой.

Плачу: «Открой мне лицо!» Ответ ее слышу
жестокий:
«Может ослепнуть смельчак, взглянув на дневное
светило».

*

О кипарис! Как прям твой дивный стан,
О ветер! Пьет твой аромат тюльпан.
О роза! Не спеши, побудь пока в бутоне —
Нарцисс сегодня шаловлив и пьян.

РАССКАЗ О МЕДЖНУНЕ

Меджнун, я слышал, сильно огорчен,
От недуга души в горячке он.

Смешались ночь и день, всему небес вина,
На месте полного лица — трехдневная луна.

Ни снадобья, ни врачеванья, ничего,
Могли бы к здравствию вернуть его.

И даже от бальзама прока нет,
Ему все хуже, и в очах уж меркнет свет.

Собрались знахари, и так ведут совет:
«Лишь колдовство поможет здесь и амулет.»

Один твердит: «Чтоб снизить жар,
Поворожить здесь нужно, знает мал и стар.»

Другой обратное толкует: «Лучше амулет,
Ведь все болезни сводит он на нет».

Все спорили, что думал каждый то и нес,
Больной раскрыл уста и произнес:

«Всё пожелать все могут, что и говорить,
Мне от возлюбленной письмо лишь получить».

Преподнесли ему послание Лейли,
И в чувство сразу же Меджнуна привели.

К груди он страстно то письмо прижал,
С постели тотчас же здоровым встал.

Письмо любимой — вот и весь секрет —
Есть ворожба твоя, твой амулет.

РАССКАЗ О СОБАКЕ, КОТОРАЯ В ПОГОНЕ ЗА ИЛЛЮЗИЕЙ ПОТЕРЯЛА РЕАЛЬНОСТЬ

Брела собака, кость держа в зубах.
Шла берегом реки, вдруг впопыхах

Увидела, что на речном песку
Лежит, трепещет рыба на боку.

Собака, бросив кость, метнулась к рыбе той.
Хвостом прошлепав, скрылась гостя под водой.

Вернулся пес, простыл и кости след —
Досталась кость вороне на обед.

Чем бегать за большим, так лучше меньше съесть.
Довольствуйся же малым, тем, что есть.

СЫНУ АИН-АД-ДИНУ ХЫЗРУ

Месяц полный, клад мой золотой, —
Ты и Хызр, и ключ воды живой.
Разумом пока ты не глубок,
Ты забот не знаешь и тревог.
Верю: ты едва лишь подрастешь,

К роднику познания припадешь.
В возрасте четырнадцати лет
Красоты твоей придет расцвет.
Будешь ты у разума во власти,
Над тобой не будут виться страсти.
Ты поймешь, где правды рубежи,
Будешь правду отличать от лжи.
В суть глубоких тайн проникнешь ты,
Книгу их читать привыкнешь ты.
Хочешь ты сиять между людьми, —
Эти наставления прими.
Только к благу, к знаниям стремись,
От невежд ничтожных отвернись.
Имя Хызра не носи беспечно,
Но, как Хызр, стремись ты к жизни вечной.
Лишь тому дни вечные даны,
Кто главой вознесся до Луны.
Лишь тому, кто носит, как мудрец,
Из алмазов знания венец.
Но алмазы кто приобретет?
Чем обильней литься будет пот!
К небу тянешься пером своим?
Ты вдохни сначала свечек дым!
К легкости стремиться нам нельзя —
Это к разорению стезя.
Для вина сажай сначала лозы,
Поливай кусты, коль нужны розы.
Если хочешь ты добыть рубин,
Камень ты расколешь не один.
Хочешь сахара — тростник нарежь,
Попотей, потом лишь сахар ешь.
Знания высокие не в том,
Чтобы овладеть чужим добром.
Тот, кто чист в делах, — лишь тот мудрец,
А не лицемер, обманщик, лжец.

Ты с дощечки повтори урок,
Чтобы смысл всех дел постичь ты мог...
Ум к стихам коль устремится твой,
Ты похвал властителям не пой.
Не избегнешь алчности сетей —
Не средь первых будешь ты людей.
Будь в своем искусстве терпелив,
Слог пусть будет краток, но красив.
Лучше говори ты о шелках,
Чем о метлах иль половиках.
Знаешь ты, не всякое перо
Сразу может подарить добро.
Если деревца твои, как плод,
И отцу он славу принесет.
Упадут плоды к тебе в полу, —
Как глупец, не ешь их сам в углу.
Все, что попадет к тебе, мой друг,
Ты отдашь иль нет — уйдет из рук.
Так отдай же несколько плодов —
Нескольких утешь ты бедняков,
Людам дай хотя б немного блага
И не будь бесчеловечным скрягой.
Человеком лишь тогда ты будешь,
Если человечность не забудешь.
Хоть безмерно будешь ты богат,
Будь — дервиш, с дервишем будь как брат.
Небо тысячи голов сечет,
Чтоб наполнить лишь один живот.
Муравьям лишь за одно зерно
Тысячами гибнуть суждено.
Деньги, что с таким трудом добыли,
Отдаем мы после без усилий.
Коль к величию стремишься ты,
Не забудь о нуждах нищеты...
Коли не поможешь ты друзьям,

Помощи от них не требуй сам.
Сторож, что бесплатно сторожит,
Видно с расхитителем дружит.
Если друг в несчастье не помог,
Не пускай его ты на порог.
Но не покупай себе друзей,
Где найдешь их в час беды твоей?
И еще скажу: всех одаряй,
Только детям денег не давай!
Коль малыш привыкнет к серебру,
Это, право, будет не к добру.
Мальчуган, сорящий серебром,
Станет неприглядным стариком.
Коль в тебе укоренится ложь,
Ты наверно к воровству придешь.
Хоть визирем стань ты во дворце,
Будешь вором все равно в венце.
Знаешь ли, завидный в чем удел?
Чистым быть, не зная черных дел.
Коль высокого достигнешь сана,
В доброй славе не черти изъяна.
Всякое порученное дело
Выполняй ты верно и умело.
Пусть порой добро не по нутру,
Все же ты всегда стремись к добру.
Пусть тебе шипы сажать велят,
Но и розами укрась свой сад.
Так ланцет — он проливает кровь,
Но больным дает здоровье вновь.
Бойся, как тиран, людей обидеть,
Чтоб от них обиды не увидеть.
Если ноготь чересчур остер,
«Срезать!» — раздастся приговор.
Как жесток огонь! За это он,
Чуть родясь, на гибель обречен!

Меч насилье любит — от того
В ножны прячут воины его!
Пусть обижен будет притеснитель,
Не жалея его, ведь он — мучитель!
Так, как он с людьми, так будь ты с ним,
Будет неповаднее другим.
В руки попадет к тебе злодей —
Ни за что его ты не жалея.
Разве плохо, коль кулак убьет
Тех, кто волю кулаку дает?
Коль пощады нет в твоей груди —
Ты пощады от других не жди.
Попрошайке, что за грош умрет,
Не давай гроша — пусть пропадет.
Пьяный в яму свалится — пускай,
Ты ему веревки не бросай...
Зорок будь всегда, расчетлив будь —
Разум верно освещает путь.
Коль не будет ночью зоркой стража,
Не трудна для вора будет кража.
Не гордись накопленным добром
Больше, чем разбитым черепком.
Хоть богатство мощь дает и власть,
Может от него душа пропасть.
Пусть тебя богатство не манит —
Жадность, алчность принесут лишь стыд.
Если сердце лишь по свету рыщет,
То оно покой едва ль отыщет.
Если караван спешит вперед,
К путнику навряд ли сон придет.
Жадность у людей уносит честь,
Много не жалея, коль мало есть.
Жадный бродит с укусным лицом,
Будет пусть доволен малым — счастье в том.
Кто поводья отвернул от злата,

У того всегда душа крылата...
Знай о том, что у тебя внутри,
На ошибки ближних не смотри.
Хворостом сухим не будь — зажжен
Пламенем и пеплом станет он.
Будь на ветвь зеленую похож —
Ведь ее легко ты не сожжешь...
Счастье ведь не в том, чтобы иметь
Золото, иль серебро, иль медь.
Падаль мира власти не дает,
В сан эмира тлен не возведет.
Честолюбье брось. Будь хоть портным,
Сердцем ты зато гори своим.
Бедность избери своим вождем.
Мал удел твой? Все же честность в нем...
Устремись к величью, никогда
Не жалея ради него труда.
Коль великим рвением ты горюшь
Даже тело в душу обратишь.

НАЗИДАНИЕ СЫНУ

Слова мои выслушай, сын дорогой,—
Их жемчуг рассыпать хочу пред тобой.

Ты — свет незакатный отцовских очей,
Услада страдальческой жизни моей.

Тобою любитесь радостно мать,
Ей высшее счастье — тебя баловать.

Ты горьких мних не чурайся речей,
Их горечь целебна, как райский ручей.

Что кажется горьким вначале, потом
Окажется чудным на вкус леденцом.

**К моим наставлениям слух преклони,
Тебя от ошибок избавят они.**

**Ты — плод долгожданный желаний моих,
Луч ясный во мраке блужданий моих,**

**Телесною крепостью будь наделен,
Умом и сердечною правдой силен.**

**С невеждой в беседу вступать не спеши,
Беседа с невеждою — скорь для души.**

**Кто жадности глаз укротить не сумел,
Тот множество бед получает в удел.**

**Вначале нас краски вещей веселят,
Но жажда стяжанья ввергает нас в ад.**

**В красавицах верности ты не найдешь,
Их клятвы всегда вероломство и ложь.**

**Порог обивать не ходи к богачам,
Трудом медяки зарабатывай сам.**

**На шее чужой, словно груз, не лежи,
Себя самоличным трудом содержи.**

**С чужого стола не бери ни куска,
Чтоб совесть избавить от мук должника.**

**Убогим дари хоть немного любви,
По-божески, а не по-скотски живи,**

**Не строй себе счастья на горе людском,—
Отрада непрочная в счастье таком.**

**Обжорство и спячка позорят тебя,
Они и с друзьями рассорят тебя.**

**Отдайся науке, стань мастером в ней,
На стихоплетенье не трать своих дней.**

Сызмальства общайся ты с теми, кто сед;
Немало получишь от этих бесед.

На жизнь человека влияет среда,
Опасной бывает она иногда.

Коль разум тебе пронизательный дан,
Ты низко склоняй перед мудрыми стан,

А глупых невежд избегай, ибо в них
Источник премногих страданий людских.

Душой ненасытной влекись к мудрецам,
Стать мудрым в их обществе можешь ты сам;

Ты мудрости ищешь, — так слух преклони
К тому, в чем тебя наставляют они.

Блажен, кто имеет хороших друзей, —
Что в мире подлунном милей и ценней?

Но ты различай скорлупу и ядро, —
Представиться другом не так уж хитро.

От козней врагов береги себя, сын:
Из сотни людей тебе друг лишь один.

Цени свою юность, заботься о ней,
Смотри, чтоб не жгло ее пламя страстей.

Худые влеченья от сердца гони, —
Мучительный стыд порождают они.

Заламывать шапку — незрелости знак,
Муж зрелый страстям необузданным враг.

Пытливый умом наделил тебя рок,
Чтоб ты из речей моих пользу извлек.

Мои советы, сын, дорожи,
Старательно их в узелок завяжи.

Отвергнув советы мои, своему
Смертельный удар нанесешь ты уму.

Отец я и сына обязан учить,—
Я жемчуг потомку решил подарить.

Возьмешь ли его, чтоб в душе сохранить,
Иль вздумаешь наземь его уронить,—

Не знаю,— надеждою льщу себя все ж,
Что розы в моем цветнике отберешь.

НАСТАВЛЕНИЕ ВОИНУ

О ты, препоясавший чресла свои,
Готовый ввязаться в любые бои!

За правду лишь бейся, с отвагой в груди,
Для правды своей головы не щади.

Какой бы успех ни дарила судьба,
Ты помни: бойцу не к лицу похвальба.

Хоть внешнестью меч и похож на язык,
Ему не присущи бахвальство и крик.

Крикливый бахвалам наставник булат:
Он учит тому, что молчание — клад.

Затем так высоко мы ценим орла,
Что славные втайне вершит он дела.

Бессмысленно квохчут лишь куры одни,—
Зато лишь помоями сыты они.

Ты в гущу сраженья врубайся мечом,
Отважному биться всегда нипочем.

Пустым хвастовством не добиться похвал,
Для трезвых посмешище пьяный бахвал.

Сложение красит мужчину, не сан,
И только оружием украсит он стан.

Коня боевого и смерть не страшит,
Когда он противника топчет, крошит.

А Ф О Р И З М Ы

Покуда ты с отцом, беспечны дни твои,
Но знай: не полетишь, коль крылья не свои.

Трудом не пренебрег и чист душой,
В почете он, хоть и халат простой.

Когда цирюльника вдруг дрогнет скальпель,
Он выпускает душу вместо крови капель.

Коль на земле колени циркача дрожат,
Что будет с ним, когда взойдет под купол,
на канат.

Наук и знаний светоч не удержал в уме,
Знай, пребывать тебе в кромешной тьме.

Раздор не сей пером ты среди людей,
Служить перо для лжи ты заставлять не смей.

Ученый муж далек от хитростей и лени,
Ведь солнца луч не оставляет тени.

Чем на вопрос ответить как попало,
Найдешь в молчанье пользы ты немало.

В саду оливковом двугорбый — вот так чудо!
Ведь для верблюда нет колючек лучше блюда.

Когда павлин пустился с галкой в пляс,
Сады и горы хохот кеклика потряс.

Сей мир кружится, как веретено,
Концов не видно нити все равно.

Глухому на ухо он высказал секрет,
Но для других уж в этом тайны нет.

Лицо от жадности души всегда желтеет.
Кто трудится в поту лица — тот богатеет.

Надеть корону не стремись и на престол воссесть.
Ты знай: корона — небо, земля — престол и есть.

Для всех держи ты стол накрытым свой,
Но не стремись поесть за счет чужой.

Коль хочешь в мире ты и в счастье жить,
С родными связан должен быть.

Брат брату говорил: «Совет тебе даю —
С благоговеньем почитай ты мать свою».

Пчелы цветочной жала кто боится,
Тому вкус меда даже не приснится.

Не следует вином крепить любовь,
Вино не ценит чувства и только бесит кровь.

Приятней мускуса намного у розы аромат.
Увядшей розы лучше соломы вид стократ.

Здоровый не поймет того, чья грудь больна.
Кто спит — далек от тех, кто мается без сна.

Коль голодаешь много дней подряд,
Ты шелухе ячменной будешь рад.

Кто уважение не видел и почет,
Тот за почет и унижение сочтет.

Вдыхать полынный запах не беда.
Свеча заменит солнце в темноте всегда.

Игла добрей меча бывает:
Тот рубит, эта — зашивает.

Когда газель влечет улыбка льва,
Идет под меч по доброй воле голова.

К луне не ходит солнце в гости никогда,
Ведь не разжечь огня, когда кругом вода.

Игла колючку из ноги вытаскивает смело,
Когда игла и есть колючка — плохо дело.

Клюёт жуков фазан не думая о том,
Что на обед орлу он попадет потом.

Не сможешь комара убить ты, саблею поддев.
Осе пощечину влепить не в силах даже лев.

Бездарных сотен тысяч строк
Дороже смысла полного листок.

Кто шел героем в бой, кто спину показал —
И лев живет в пустыне, и шакал...

Когда бы черных не было ночей,
Ни ламп не знал народ бы, ни свечей.

Чем принудить молчать людей ораву,
Через моря воздвигнуть легче переправу.

Одета роза в свой наряд пахучий.
А под подолом спрятан шип колючий.

Зверей земных не перечислить род,
Но нет им дела до людских забот.

Когда слоном весь урожай измят,
Все в этом сразу же погонщика винят.

Как ни ломалась роза, как ни кривила бровь,
Раскрывшись, больше не закрылась вновь.

Имея при себе наук и знаний силу,
Жаль все с собою унести в могилу.

Ковром живых цветов могила та покрыта,
А под землей краса увядшей розы скрыта.

Все что имел — уйдет, и сам уйдешь,
В делах хороших лишь бессмертие найдешь.

Когда оставишь след ты в этом мире старом,
Народ не скажет — жизнь он прожил даром.

При жизни так поставь себя,
Чтоб после смерти прославлять тебя.

Цветник — душа и радость цветовода,
Для дровосека ж это дров подвода.

Хоть раз принес ты людям вред,
О добром имени простыл и след.

Хотя у негра кожа как смола черна,
В глазах же материнских — полная луна.

Ты мастер дела своего — держи себя в руках,
Оно в народе у тебя уже давно в руках.

Знай, трудно слыть в народе храбрецом.
Не каждый встретится со львом к лицу лицом.

В бою ты сможешь сотню перебить, не в этом суть,
Попробуй жизнь хоть в одного из них вдохнуть.

Не будьте друг от друга, как глаза, удалены,
Всегда, как губы, вместе будьте сплочены.

Народу своему коль дашь себя ты в дар,
Запомнит на века тебя и млад, и стар.

ВОСЕМЬ РАЙСКИХ САДОВ

(отрывки из поэмы)

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Хранитель ларца, ваш смиренный слуга,
Рассыпать пред вами готов жемчуга.

В те дни, когда слава Бахрама-владыки
Лучами наш мир озарила великий,

Предстал пред всевышним Бахрамов отец,
Оставив наследнику трон и венец.

И царская власть воплотилась в Бахраме,
И начал он править мирскими делами,

Мечом он лишал гордецов головы,
Бросал непокорных в могилы и рвы,

Зато удостаивал верных почета
И милостями осыпал их без счета.

И Запад склонился пред ним и Восток,
Никто и дохнуть без указа не мог,

Попробуй перечить могучему шаху,
Тотчас же под стражу тебя и на плаху.

Зато благоденствовал мирный народ
Под сенью широкою царских щедрот.

И стало в стране правосудье вершиться,
И овцы волков перестали страшиться.

Мужей справедливых, чей разум как свет
Призвал повелитель на царский совет.

Всю власть мудрецам он доверил по праву,
Чтоб всласть пировать, веселиться на славу.

И стал что ни день затевать он пиры,
Вкушая вино, рассыпая дары.

Он знатных гостей приглашал отовсюду
В чертоги, подобные райскому чуду.

Беседой дарил приближенных Бахрам,
Оказывал честь мудрецам и волхвам,

Охотно внимал переливчатым сазам,
Чьи звуки, как хмель, похищают наш разум,

И если бывал очарован игрой,
Богатством дарил музыкантов порой.

Одна из прекрасных Бахрамовых гурий
Была для людей устрашающей бурей,

Кумир из далекой восточной страны:
Лик светел, а косы, как мускус, черны.

Она Деларам называлась недаром:
Смиряла сердца, полыхавшие жаром,

Взглянув, заставляла рассудок молчать,
В душе выжигала желанья печать.

Красавица в страсти была неустанна,
А стан — не бывало подобного стана,

А грудь — как упруга она и тверда —
На тоненькой ветке два спелых плода,

А щеки, как розы, нежны и пьянящи,
А губы такие, что сахара слаще.

Посмотрит проказница из-под бровей —
Лишаются разума сотни людей...

Увидев ее, даже встречный прохожий
Готов был идти за газелью пригожей.

Твердил ее взгляд: «Берегись! Я гроза!»
Речь к миру склоняла, к сраженью — глаза.

В устах этих сладостных горькое слово
Покойника вмиг превращало в живого.

В ней негой дышала походка и стать,
А талия — тоньше нигде не сыскать.

Как чашей Джамшида, красой ее лика
И ночью и днем любовался владыка.

Любил он охоту и часто на лов
Скакал вместе с ланью, пленяющей львов...

Он был несравненным в охотничьем деле,
Стрелюю срезал волосок на газели.

Но чаще всего он стремился настичь
Онагров, не жалуя прочую дичь.

Бахрамов гнедой мог промчаться по круче
Стрелой, словно конь Мухаммада могучий.

В конюшнях царя сотня тысяч коней,
Но этот гнедой всех Бахраму милей.

Упругая поступь и взор соколиный,
А бег — отстают даже ветры равнины.

Когда из конюшни вели скакуна,
Бахраму была даже смерть не страшна.

На этом коне, быстролетном, как птица,
Уверен был шах, что добыче не скрыться.

Онагров разить надоело ему,
Доверился сердцу Бахрам своему,

И дал он зарок, что не станет отныне
Лить кровь бессловесных скитальцев пустыни.

Настигнув онагра в безлюдном краю,
Хватал он руками добычу свою,

И где бы ее венценосный ни встретил,
Тавром своим царским животное метил.

Он гнался всегда за ослом молодым,
Который поспорит и с ветром степным.

Настигнет, тавром обожжет раскаленным.
И волю дарует онаграм клейменым.

И скачет онагр по долам и горам,
Неся на плече своем имя «Бахрам».

За это охотника, славного саном,
Прозвали Владыкой Онагров — Гурханом.

И множилась слава Гурхана-ловца
Все время, покуда по воле Творца

Он сам не почил в этом склепе вселенной,
Отмечен печатью онагра нетленной.

БАХРАМ И ДЕЛАРАМ НА ОХОТЕ

Лучистое диво возшло поутру,
По мускусу тьмы разлило камфару.

Бахрам, исполняя свой давний обычай,
Со свитой отправился в степь за добычей,

А чтобы в тоске не стремиться домой.
Он взял Деларам на охоту с собой.

Они ускакали от свиты и вскоре
Вдвоем оказались в пустынном просторе

И на заповедном широком лугу
Газелей разить принялись на бегу.

И молвила льву сребротелая серна:
«Оленью чету ты заметил наверно,

Так вот, покажи мне, как меток твой лук,
Мне ведома ловкость и мощь твоих рук,

Стрела твоя цели достигнет отсюда,
Сразишь ты оленя, но это не чудо».

И дерзкие эти услышав слова,
Ответил Бахрам: «Есть терпенье у льва,

Но лучше бы серне уйти от напасти,
Разумней держаться подальше от пасти.

Однако скажи мне, ведешь ты к чему?
Каких ждешь чудес от меня — не пойму».

Сказала красавица: «Лучник умелый,
Без промаха в цель посылаешь ты стрелы,

Попробуй же, в грязь не ударив лицом,
Самца сделать самкой, а самку самцом».

Бахрам усмехнулся, лукава, однако, —
И плетью хлестнул своего аргмака.

В два жала стрелу он спустил с тетивы
И срезал рога у самца с головы.

Мгновенно олснь уподобился лани.
И дальше помчался Бахрам по поляне,
Вдогон за испуганной самкой скача,
Чтоб стрелами лань превратить в рогача.
Одна за другой две стрелы полетели
За ланью, достигли намеченной цели
И в темя впились, как задумал Бахрам,
Подобные двум настоящим рогам.
Так царь хитроумный с великим умением
Самца сделал ланью, а самку оленем.
Он выполнил просьбу прекрасной луны
И ждал одобренья с ее стороны.
Но не было лести в словах среброликой:
«О царь! Обладаешь ты силой великой,
Тебе даровали талант небеса.
Но это искусство. А где ж чудеса?
Конечно, с тобою никто не сравнится,
Подобная меткость лишь может присниться,
Но если судить беспристрастно, мой друг,
Успех твой зависит от ловкости рук,
А это умение, доступное людям,
И чудом его называть мы не будем».
Услышав такое, нахмурился шах,
Шафрановый цвет проступил на щеках,
И желчь разлилась от великого гнева,
И лик искаженный увидела дева.
Воскликнул Бахрам: «Что за дерзкая речь!
За это и голову мало отсечь!

Другие бы меткость мою оценили.
Скажи мне, кто подвиг мой выполнить
в силе?

Ты лучшего предпочитаешь стрелка?
Ступай же к нему, чья искусней рука!»

В долгу разъяренный Бахрам не остался,
Красавицу сбросил с коня и умчался.

Нет! Правду царю говорить ни к чему,
Не всякая правда приятна ему.

Кто высказал все, тот пошел против правил,
Себя самого он, считай, обезглавил.

В беспамятстве долго была Деларам,
Потом поднялась и с грехом пополам

Пошла наудачу в пустыню без края,
Страдая от жажды и горько рыдая.

Ночами брела она, глаз не смежив,
Ей в собственной тени мерещился див,

Ее башмачки изнасились в дороге,
Шипы и колючки ей ранили ноги,

Пронзали подошвы, куда бы ни шла,
Так шелк протыкает стальная игла.

И не было спутника, не было друга,
Лишь солнце, лишь тень да глухая округа.

О, если бы шах услышал ее зов,
Она от своих отказалась бы слов.

Так шла и вздыхала, но вдруг в отдаленье
Возникло пред ней небольшое селенье:

Домишки, деревья и всходы полей.
От этой весны на душе веселей.

Селенье лежало у самой пустыни,
Пришельцы сюда не являлись доньше,

А жители век свой влачили в глуши,
Во тьме, в слепоте первобытной души.

Им был непонятен порядок небесный,
Им были законы светил неизвестны.

В лачугу вошла Деларам, как луна,
И сумрак рассеяла там, как луна.

Жилище укрылось под лиственной кущей,
За пологом зелени, буйно растущей.

Жилец был на здешних дехкан не похож,
В столице таких мудрецов не найдешь.

Он в алгебре знаний достиг несравненных,
Знал толк в метафизике, в сурах священных.

Он в Руме учился, где с помощью книг,
Во многие тайны вселенной проник.

И в музыке был искушен, как в науке,
По струнам летали, как молнии, руки.

Любой ему лад подчинялся и тон,
Веселый, печальный, ввергающий в сон.

Он мир повидал, когда был еще молод,
И пекло судьбы он изведал, и холод.

И вот поселился от мира вдали,
Питаясь, как птица, плодами земли.

Когда его лютия чудесная пела,
У многих душа улетала из тела.

Знал тайны созвучий отменный игрок,
Двенадцать ладов изучил назубок.

Едва он чинару узрел молодую,
Чело ее светлое, прядь смоляную,

Он речь потерял: что за диво пред ним?
Куда держит путь по равнинам сухим?

Коль пери — откуда она появилась?
Не пери — то как здесь одна появилась?

Явленьем такой красоты ослеплен,
Он быстро вскочил и отвесил поклон:

«Храни тебя небо от глаза дурного!
О, кто ты, прекрасная? Молви хоть слово.

Ты дева земли? Или дух неземной?
По чести ответь, не таись предо мной».

Красавица, мучась от боли жестокой,
Вздохнула, потупила взор с поволокой

И грустный рассказ повела, говоря
О том, как разгневала шуткой царя.

Отшельник, узнав, что залетная птаха —
Одна из жемчужин великого шаха,

Сказал ей: «Твоих злоключений не счесть,
Помочь тебе в бедах почту я за честь.

Найдешь ты приют в этом скромном жилище,
Ты будешь сыта нашей сельскою пищей.

Хотя ты достойна опеки творца,
Охотно тебе замену я отца.

Но если влечет тебя лучшая доля,
Не стану удерживать, вольному воля».

На это ответила так Деларам:
«Как дочь, я к твоим припадаю стопам.

В пути испытала я горестей много,
Позволь мое бремя сложить у порога.

Ты видишь: в беде твоя гостья, в нужде,
Но из дому гостя не гонят нигде.

И если ты верным окажешься другом.
Тебе за добро я воздам по заслугам».

Склонилась красавица пред мудрецом,
Рассыпала перлы речей, а потом

С себя совлекла жемчуга и агаты
И дар доброхоту вручила богатый.

Хозяин столь щедрый порыв оценил,
Челом он ударил светилу светил.

Был муж благороднейший обезоружен
Невиданным блеском бесценных жемчужин.

Скиталице дал он и пищу и кров,
Прислуживать стал, не жалея трудов,

И, чтобы она не томилась от скуки,
В искусства ее посвятил и в науки.

Премудрости все превзошла Деларам
И струны своим подчинила перстам —

Да так, что от жизни живых отрешала,
А мертвых чудесной игрой воскрешала.

Во всем совершенства достигнув сполна,
Решила она: да спадет пелена!

Пора показать себя миру без страха,
Пора посрамить горделивого шаха.

Рассвет благовонным дохнул ветерком,
На Рахша красавица села верхом

И вдаль поскакала по долам и кручам,
Порою играя на сазе певучем.

Встречаясь в пути с антилопой степной,
Сражала ее не стрелой, а струной.

Так нежно, так сладостно струны звенели,
Что разум и волю теряли газели,

К ногам Деларам, все на свете забыв,
Сбегались, волшебный заслышав мотив,

Толпились вокруг в отрешенье счастливом,
Внимая созвучиям и переливам...

Тут новый напев начинала она,
Ввергающий в бездну глубокого сна,

И замертво падало стадо газелье.
Но звуки уже пробуждали веселье,

И музыка животворящей волной
Газелей будила — одну за другой.

Молва разлетелась об этом повсюду,
И люди дивились великому чуду:

Кудесница некая может сразить
Животных игрой, — а затем — воскресить!

Какая-то дочка простого дехкана
Делами достойна царя Сулеймана!

Придворные сразу молву донесли
До слуха властителя этой земли...

Бахрамово сердце не знало покоя,
А тут уж выиграло в царе ретивое.

Чуть свет он покинул чертог свой и двор,
Коня устремил в необъятный простор.

Явилась волшебница к месту заране,
Туда, где водились газели и лани.

Воскликнул Бахрам: «Убедиться хочу,
А вправду ли чудо тебе по плечу.

Купец я такой, что не стану рядиться,
Лицом покажи свой товар, чаровница».

На эти слова усмехнулась она:
Вот случай за все расплатиться сполна.

Желанье Бахрама пришлось ей по нраву,
Приспела пора отыгратся на славу.

И вмиг Деларам устремилась на лов
Бок о бок с царем, покорителем львов.

Бахрам стал онагров разить, как бывало,
А пери на сазе своем заиграла.

Газели, бегущие прочь от людей,
Копытцами цокая, бросились к ней.

Струна по-иному запела, и сразу
Газели уснули, послушные сазу.

Едва услышали волшебный напев,
Упали и замерли, окоченев.

Но грянули звуки бодрящего лада,
И разом воскресло умершее стадо.

Так пери при помощи лютни своей
Убила, потом оживила зверей.

Бахрам своего удивленья не выдал,
На чудо глядел равнодушно, как идол.

Как скарредный скупщик во время торгов,
Он стал сомневаться в цене жемчугов.

Сказал, что не видит великого чуда,
Что много встречал он искусного люда,

Что в мире подобных волшебников тьма,
Мол, здесь и не надо большого ума.

С усмешкой царю Деларам отвечала:
«Конечно, таких чародеев немало,

Которые могут меня превзойти.
Вот ровни Бахраму нигде не найти.

Он ланям рога надевает оленьи,
Ни с чем не сравнимо такое уменье,

Со мной же любой потягаться готов.
Ну что я могу? Воскрешать мертвецов?

Такое деянье, возможно, не диво,
И все-таки ты рассуди справедливо».

От этого голоса вздрогнул Бахрам,
Душой потянулся к прекрасным глазам.

Сорвал покрывало с луны сребролицей,
Ланиты от пыли отер ей десницей,

Прощенья просил, покраснев от стыда,
Обиду молил позабыть навсегда.

Потом во дворец свой с возлюбленной вместе
Отправился, лаской воздав ей по чести.

Ее возлюбил он сильнее с тех пор,
Ни разу и слова не молвил в укор,

И оба искусника долгие годы
Уменьем своим изумляли народы.

Повсюду о них говорила молва,
Их слава росла и поныне жива.

Бахрам повелел, чтобы в царских покоях
Повесили изображенья обоих:

Царя самого и его Деларам.
На славу они удались мастерам.

ВОЗВЕДЕНИЕ СЕМИБАШЕННОГО ДВОРЦА ДЛЯ СЕМИ КРАСАВИЦ ИЗ СЕМИ СТРАН

Умелой кистью художник старинный
Выписывал линии пестрой картины:

Онаграм вослед, не щадя скакуна,
Летел шах Бахрам посреди полотна.

Охотничья страсть полонила Гурхана,
Она все росла и росла беспрестанно.

Дошло до того, что в покои дворца
Недели по две не казал он лица.

Вся свита за грозным своим властелином
Онагров гнала по горам и долинам,

Усталые слуги, охоту кляня,
Бывало, весь день не слезали с коня.

И все ж смельчака не сыскалось такого,
Который посмел бы промолвить хоть слово.

Советники и воеводы царя,
Которым всю власть он доверил не зря,
Задумались, как бы вернуть Бахрам-гура,
Сидели, склонясь головою понуро,

И каждый из них предлагал в свой черед
Какую-то хитрость, какой-нибудь ход,

Чтоб кладу вернуть поскорее дракона:
Злаченому трону — хозяина трона.

Опять и опять собирали совет,
Судили, рядили — все выхода нет.

Осталось несказанным слово везира,
Нумана премудрого, сына Мунзира.

С Бахрамом он вырос, был другом царя,
И свет его разума был как заря.

Любые загадки решал он умело,
Нуманова щедрость не знала предела.

Ценя его знания и ловкость в делах,
Верховную власть передал ему шах,

Великим везиром Нумана поставил,
И тот справедливо и доблестно правил.

Царей из восточных и западных стран
Умел подчинить своей воле Нуман.

Он брови сдвигал — и любой пред Нуманом
Катился, как мячик, поддетый чоуганом.

А если кто нос воротил, то, увы,
Лишался немедля своей головы.

Итак, убедился Нуман благородный,
Что все ухищренья и мненья бесплодны,

Что трудно царя залучить во дворец.
Как быть? И промолвил везир наконец:

«Беру на себя я все ваши печали,
Чтоб вас понапрасну они не терзали.

Мой опыт житейский не раз вам помог,
Доверьтесь ему, только дайте мне срок,

Я сделаю так, что властитель вернется,
Схвачу под уздцы я его иноходца».

Воскликнули все: «Золотые слова!
Воистину кладезь — твоя голова!»

Решившись на дело нелегкое это,
В раздумье везир удалился с совета.

Здесь надобно что-то придумать! Но как
Лулу водворить во дворец Хаварнак?!

Всю ночь он не спал, размышляя в постели:
Чем тешить Бахрама в течение недели?

Наутро правитель призвал семерых
Бывалых мужей, приближенных своих.

Не стал он считаться с великой затратой
Снабдил их дарами, казною богатой,

В семь стран отправляться велел поскорей,
Семь царских просватать велел дочерей,

Согласья царей добиваться упрямо
От имени славного шаха Бахрама.

Нуман не расходовал попусту слов,
Он тут же в дорогу отправил послов.

Послы одолели далекие дали,
Семи государям дары передали.

Их приняли с честью, поскольку царям
Польстило, что зятем их будет Бахрам.

И снова семь месяцев странствия длились,
С царевнами сваты к Нуману явились.

Девид луноликих, манящих сердца,
Он спрятал в глухие чертоги дворца,

Надежную стражу приставил к порогу,
Свой замысел стал воплощать понемногу.

Он рощицу облюбовал над рекой,
Там тень и листва навевали покой,

Цветов ароматы, лучи и прохлада
Струились под кронами райского сада.

В урочище этом, вдали от тревог,
Задумал правитель построить чертог.

Любимец небес повелел, чтобы зодчий
Немедля явился пред ясные очи.

И молвил строителю мудрый Нуман:
«Послушай, тебе я открою свой план!

О славный творец удивительных зданий,
Создай мне дворец неземных очертаний,

Чтоб землю попрал он широкой стопой,
Чтоб в мрамор был врезан узор золотой,

Чтоб семь куполов над строеньем чудесным
Возникли, подобные сферам небесным.

Чтоб все семиглавое чудо чудес
Казалось и впрямь отраженьем небес!»

Испытанный зодчий, Шиде несравненный,
Немало построил дворцов во вселенной,

В искусстве своем это был чародей,
Созданья его поражали людей.

К луне устремлял он высокие шпили,
Его минареты из вод восходили.

Он сразу к работе своей приступил
И мысли везира в чертеж воплотил.

Сложил в основанье гранитные плиты,
Чтоб не были стены дождями подмыты,

Возвел он из камня различных цветов
Семь башен, и вскоре был остов готов,

Все зданье воздвиг он в течение года
И семь куполов, семь частей небосвода.

Был каждый в покров златотканый одет,
Был каждому дан подобающий цвет.

Правитель, в любом понимающий деле,
Цвета эти связывал с днями недели:

Субботному куполу зодчий придал
Цвет черный Сатурна — планеты Зухал,

Воскресный окрасил по воле Нумана
В цвет Солнца, в тона золотые шафрана,

А маковка третья была зелена,
Поскольку царит в понедельник Луна.

Багряным был купол четвертой из башен
В цвет вторника, в пламя Бахрама окрашен,

К среде приурочен сиреневый тон,
Поскольку планетою Тир порожден,

Четверг соответствовал цвету сандала,
Звезда Муштари этим цветом сияла,

А связанный с пятницей купол седьмой
Под знаком Зухры отливал белизной.

Когда завершили строение это,
Воздвигли семь башен различного цвета,

Красавиц вселили под сказочный кров,
Одели в наряды под цвет куполов.

И посланы были надежные люди,
Чтоб шаху Бахраму поведать о чуде,

О нерукотворных семи куполах,
Которые мог сотворить лишь аллах,

О башнях, окрашенных в звездное пламя,
Которые райскими стали садами,

О замке Джамшида, который вместил
Семь самых прекрасных небесных светил,

О том, как волшебны стихи и напевы
Слагают все эти прелестные девы.

Их взоры чаруют, их лица нежны,
Их речь навевает волшебные сны.

Они убаюкают плавным рассказом,
А песню начнут — пробуждается разум.

Газелей полно — во дворец лишь вступи,
Зачем же скакать за добычей в степи?

Когда до Бахрама дошли эти вести
Поводья он выронил с плеткою вместе,

Онагра преследовать шах перестал,
Коня повернул и домой поскакал.

Покою возжаждало сердце Бахрама,
Свиданья с кумирами нового храма.

И вот он достиг той блаженной земли,
Где рос кипарис, где тюльпаны цвели,

А розы таким ароматом дышали,
Что душу пьянили, сознанья лишали.

И встретили шаха Бахрама сады,
Где с веток свисали тугие плоды.

Дворец появился, и в блеске глазури
Со стен улыбались подобия гурий.

В садах этих райских, к блаженству спеша,
Из плоти земной улетала душа.

Семь пери пред очи Бахрама явились,
Их косы до самого пола струились.

Мгновенно царя хоровод обступил
Склоненных пред ним заходящих светил.

Когда ж они подняли светлые лики
И прямо в глаза поглядели владыке,

Рассыпали столько они жемчугов,
Что был небосвод улыбнуться готов.

И спешился царь, окрыленный желаньем.
Так лев благородный пожаловал к ланям.

Девиц благосклонно приветил Бахрам,
Беседовал с каждой из них по душам.

Его повели в неземную обитель,
И сел среди гурий на трон повелитель.

Он сладостной пищи вкусил и вина,
С красавицами пировал дотемна,

В кругу луноликих, предавшись их власти,
Совсем позабыл об охотничьей страсти,

Нумана призывал в эти чудо-сады,
По-царски его наградил за труды,

Почета его удостоил и славы
За ум, за старанья на пользу державы.

Потом повелитель по воле светил
К одной из невест ежедневно ходил.

**ПРЕБЫВАНИЕ БАХРАМА В СУББОТУ
ВО ВТОРОМ РАЙСКОМ САДУ ПОД ЧЕРНЫМ
КУПОЛОМ И РАССКАЗ ИНДИЙСКОЙ
ЦАРЕВНЫ**

Суббота пришла и густой аромат
Рассветной поро пролила на халат.

Бахрам появился под куполом черным,
Повеяло мускусом в зале просторном.

Велел воскурить благовонья Гурхан,
Облек он одеждами черными стан.

Звезда Индустана, бела и пригожа,
Почтительно встала с атласного ложа,

Прислуживать стала царю своему,
Сластей поднесла на подносе ему.

Бахрам усадил ее рядом с собою.
Так сблизился Месяц с Вечерней Звездой

Вдвоем пировали они дотемна,
Беседа струилась и реки вина.

Когда же дневное светило погасло
И амбра покрыла камфарное масло,

Совсем захмелев, разомлел властелин
От близости розы, от розовых вин.

Объятий вкусив, утомленный любовью,
Возжаждал он сна и припал к изголовью.

Но райская дева решила сперва
Рассказом потешить могучего льва,

Припала к ногам его с речью смиренной:
«Державой владей до скончанья вселенной!

Ирак покоря, Византию поправ,
Возвысься над тронами прочих держав,

Будь выше дворцов златоглавых и пагод,
Пусть тучи покорно у ног твоих лягут!

Прости мою дерзость, владыка владык!
Кто я? Чужестранка, чей беден язык!

Но волю яви и мигни только глазом,
Тебя усладить я готова рассказом».

И тут же царевна рассказ начала,
Рекою медовою речь потекла:

РАССКАЗ

«На свете жил великий царь когда-то,
Отважная душа, ума палата,

И попирал его злаченный трон
Убежище Адамово — Цейлон.

Царь получал в Ганзе немало дани,
Богатство добывал и в океане.

Он посвящал познанию свой досуг,
Стремился к постижению наук.

Он приближал к себе людей ученых,
Умелых и в искусства посвященных.

У шаха было трое сыновей,
Прославленных премудростью своей.

Наукам разным обучась, как надо,
Под руководством славного устада,

Достигли юноши таких высот,
Куда и мысль едва ли вознесет.

Отец призвал царевичей однажды,
Чтоб выведать, о чем задумал каждый,

Чтоб испытать их души и сердца,
Чтоб знать, кто сесть не прочь на трон отца.

Он к старшему с улыбкой обратился:
«Отросток мой, ты в древо превратился,

Мне ж — прославлять всевышнего в мольбах,
Поскольку скоро превращусь я в прах.

Решил я так: ты мне придешь на смену,
Чтоб сам возвел ты правосудья стену,

Вознес высоко щедрости чертог,
Чтоб мир тебя благословил и бог.

Убогого оберегай и милуй,
А сильных устрашай своею силой

И волчьи стаи от своих отар
Ты отгоняй, как опытный овчар».

Царевич поклонился и смиренно
Сказал: «Да будет власть твоя нетленна!

Пристало ль мне, аллах меня прости,
С живым царем о царстве речь вести?

Пока ты есть, кто стать посмеет шахом?
А без тебя мы все сравнимы с прахом.

Взойти на трон способен муравей,
Но разве станет он царем царей?»

Так убедился царь, что отпрыск старший
О власти и не думает монаршей.

Царевича второго в тронный зал
Для испытанья властелин призвал.

Но юноша, постигший все на свете,
Вмиг разглядел невидимые сети.

Промолвил он: «Пока ты среди нас,
Твое любое слово нам указ.

Владыка, мы твоей покорны воле,
Но тяжкий грех и думать о престоле.

Когда же время подведет черту,
Тебе врата откроет в темноту,

Достойному вручи свою корону,
Чтоб он строною правил по закону.

У старшего из нас на трон права,
Плечам должна быть в пору голова.

Пускай наш старший брат на трон восходит,
Короне мелкий жемчуг не подходит».

Царь притворился — помрачнел, как ночь,
Махнул рукой: иди, царевич, прочь!

Но вот явился третий сын, который
В ответ на все царевы уговоры

Сказал отцу: «С меньшого меньший спрос.
Я младший и до власти не дорос».

Понрагались царю все три ответа,
Он в сыновьях узрел три самоцвета.

Возликовала так душа царя,
Что ниц он пал, творца благодаря.

Но участь сыновей решив заглазно,
Желая уберечь их от соблазна,

Он всем троице однако повелел
Покинуть в тот же день родной предел,

Постранствовать велел по белу свету,
Грозя ослушника призвать к ответу.

Царевичи склонились до земли,
Собрали кладь и в дальний путь ушли.

Так шли они по склонам и равнинам,
По людным городам и по руинам.

Оставив троп немало за спиной,
Пересекли рубеж земли родной.

Пред ними царство пролегло иное,
Их собственной страны обширней вдвое.

Им встретился арап черней смолы,
Он к братьям подлетел быстрее стрелы.

И молвил: «Да минуют вас печали!
Верблюда по пути вы не встречали?»

И старший брат арапу отвечал,
Хоть никаких верблюдов не встречал:

«Верблюд был одноглазым, друг-прохожий?»
«Воистину!» — воскликнул чернокожий.

«И челюсть у него была с дырой?»
Сломался зуб?» — промолвил брат второй.

Добавил третий, как бы вспоминая:
«Верблюд был хром — одна нога больная».

Совпали описанья всех примет.
Погонщик согласился: «Спору нет,

Вы говорите правду, но покуда
Не указали, где искать верблюда».

«Потерянное не хитро найти,
Ступай скорей вон по тому пути».

Вновь братья двинулись своей дорогой
То по степи, то по горе отлогой.

Брели они, покуда солнца шар
На землю не пролил нещадный жар,

Тогда уселись под широкой кроной,
Осенены ее листвой зеленой,

В густой тени укрылись от лучей,
Там среди зарослей журчал ручей.

Они омыли руки, лица, ноги,
Легли на травы отдохнуть в дороге.

Навеял ветер дрему, и тотчас
Закрылись невзначай нарциссы глаз.

Погонщик налетел грозой крылатой,
И речь его была острее булата.

Он крикнул братьям: «Покарай вас бог!
Фарсанг прошел я, не жалея ног,

Низин и горок исходил немало,
Набегался я так, что сил не стало.

Куда ж девался мой верблюд? Куда?
Пропал, проклятый! Не найти следа!»

Ответил старший брат: «Но мы видали
Приметы — усомнишься в них едва ли.

Кувшины были на верблюде том:
В одном кувшине — масло, мед — в другом».

Промолвил средний брат со знанием дела:
«На том верблюде женщина сидела».

Добавил младший: «В тягости она,
Дорога ей, беременной, трудна».

Погонщик черный, выслушав ответы,
Встревожился: совпали все приметы.

И он вцепился в братьев, поднял крик,
Не ведая, сколь разум их велик.

Он возопил: «Грабители! Злодеи!
Покоя не дают нам их затей!

Нет на воров управы — вот напасть!—
Что ни увидят, норовят украсть!

На рынке стерегут нас и в пустыне.
Не уследишь — верблюда нет в помине!

Не убережь от них ни серебра,
Ни золота, ни прочего добра!»

Он так вопил, окрестность оглашая,
Что собралась вокруг толпа большая,

И тут же начался такой галдеж,
Такой базар — ни слова не поймешь.

Поскольку люди спор не разрешили,
Несчастных братьев в город потащили.

Немедля здешнему царю несут
Известие, что надо править суд.

Толпа у врат дворцовых зашумела.
Властитель приступил к разбору дела.

Погонщик темноликий на суде
Поведал честно о своей беде,

О встрече с братьями, об их ответах.
Просил он покарать воров отпетых.

Когда же юношей настал черед,
Пред шахом старший выступил вперед:

«Пусть власть твоя пребудет неизменно,
Как смена дней, как тьмы и света смена!

Мы — странники, дорога — наш удел,
И никаких иных не знаем дел.

Уже давно скитаемся по свету,
И все-таки концов скитаньям нету.

Не ищем благ, одна нам благодать —
Неведомые земли созерцать.

Пересекли мы не одну границу
И наконец пришли в твою столицу.

Нас темнокожий на тропе настиг,
Как ветер, налетел и поднял крик.

Верблюда и в глаза мы не видали,
А только лишь приметы угадали.

И виноваты, государь, в одном,
Что сразу же мы не признались в том».

Царь удивился: «Что все это значит?
Никто на свете явное не спрячет!

Допустим, схожа с правдой ваша ложь,
Но разве правду ложью назовешь?

В случайностях бывает свой порядок:
Верна одна из десяти догадок.

Увертками не затемните суть,
Похищенное вы должны вернуть!»

И, неповинных осудив за кражу,
Царь приказал их сразу взять под стражу.

Когда последний луч в урочный час
В глубоком подземелии угас,

Три благородных сердца изнывали
В сырой темнице, в каменном подвале,

Где был им на ночь уготован кров
Среди убийц, грабителей, воров.

Когда же тьма ночная отступила,
Когда взошло лучистое светило,

Верблюду, из-за которого был спор,
Вдруг возвратился на хозяйский двор.

Всю ночь во мраке он блуждал глубоко,
Запутался в поводьях ненароком.

Мужчина, собиравший саксаул,
Верблюда встретил и домой вернул,

Привел его к хозяйскому порогу,
А указала женщина дорогу.

Арап с ним расплатился, а потом
Отправился к царю прямым путем.

Сказал он: «Государь! Нашлась пропажа,
Верблюд мой возвратился и поклажа,

Кувшины целы, женщина цела.
Хвала тебе! Всевышнему хвала!»

Проникло в душу царскую смущенье,
Невинных он призвал из заточенья,

Свою ошибку со стыдом признал,
Просить у юношей прощенья стал.

Потом их облачил в наряд богатый,
Всем трем вручил почетные халаты,
Сказал: «Хочу услышать без прикрас
О ваших злоключениях рассказ.

Но как вы угадали все приметы,
Назвали все незримые предметы?

Одну лишь правду я узнать хочу,
Откроете мне все — озолочу.

Но если лживы будут ваши речи,
Голов лишатся мигом ваши плечи!»

Перед царем, не поднимая лиц,
Три молодых провидца пали ниц.

И старший повелителю ответил:
«Пусть век твой будет радостен и светел!

Я по следам определил тотчас,
Что был верблюд арапа одноглаз.

Он по одну лишь сторону тропинки
Объел кусты и выщипал травинки».

Второй сказал: «Я убедился в том,
Что заблудившийся верблюд был хром,

Поскольку ногу волочил, ступая,
Как видно, докучала боль тупая».

С поклоном шаху молвил третий брат:
«Я сразу понял, что верблюд щербат.

Он рвал траву и оставлял прогалы,
Но в каждом был не тронут стебель малый».

Шах согласился: «Это ясно мне,
Правдоподобны доводы вполне,

Ход ваших мыслей внятен был и гладок,
Но вы не разъяснили трех загадок».

И снова старший стал без лишних слов
Приподнимать еще один покров:

«Великий шах, ты хочешь знать, откуда
Узнал я, что скрывали два сосуда?

Я капли на обочинах узрел,
Казалось, что в траве янтарь горел.

Шли слева муравьиные отряды,
А справа мух кружились мириады.

Смекнул я: там, где мухи, — явно мед,
Известно — муха сладость предпочтет.

А муравьи — ведь это всем понятно —
Туда ползут, где масляные пятна».

Второй сказал: «Ну разве тяжкий труд
Узнать, что женщину несет верблюд?

С горба она сходила, и повсюду
Следы остались — пятками к верблюду.

Однажды за кусты она пошла,
Я ощутил: здесь женщина была,

От запаха душа моя пьянела,
И страсть внезапно пронизала тело».

Добавил третий: «Мир глазам открыт.
Я понял: женщина вот-вот родит.

Там, где она с обочины вставала,
Земля немало вмятин сохраняла,

Я с удивлением заметил вдруг
На почве отпечатки ног и рук.

Мне стало ясно: в тягости бедняжка,
Ей трудно встать, ей распрямиться тяжко,

Чтоб чрево отягченное поднять,
На четвереньки ей пришлось вставать».

И услышав такие откровенья,
Царь даже рот раскрыл от изумленья.

Он братьев удостоил похвалы,
Для пиршества велел накрыть столы.

В пришельцах оценил он острый разум,
Внимал до поздней ночи их рассказам,

С любимцами своими день за днем
Беседы вел и тешился вином,

С охотою перенимал их знанья,
Ни слова не оставив без вниманья,

И стала венценосному видна
За оболочкой слов их глубина.

Барашка братьям царь прислал однажды
И с ним вина для утоленья жажды.

За ужин братья поспешили сесть,
Вину и яству оказали честь.

По два-три кубка выпили вначале,
Потом высказывать сужденья стали.

В неведомое старший брат проник:
Он приоткрыл еще один тайник:

«Вино, дарованное нам в застолье,
Всего лишь человечья кровь — не боле».

Второй мудрец, второй знаток примет
Подумал и сказал: «Сомнений нет,

Барашка мы едим, чья суть двойка,
Его вскормила молоком собака».

Кудесник третий молвил, наконец:
«Не царской крови тот, на ком венец,

Не по рождению стал он властелином,
Сын повара — он шаху не был сыном».

Скрывался царь за дверью потайной,
Не пропустил он речи ни одной...

Сомненье в душу царскую запало,
И сердце чуткое затрепетало.

И падишах, с трудом смиряя гнев,
Ворвался к братьям, как свирепый лев.

Все трое распрямились, как пружина,
И сели вновь по знаку властелина.

Царь повелел им тут же повторить
Все то, о чем дерзнули говорить.

Смекнув, что все царю уже известно,
Решили братья объясниться честно.

Всю правду без утайки говоря,
Хотя слова могли задеть царя.

Ни слова не промолвил шах могучий,
Он пил вино, он был чернее тучи.

Потом трем братьям приказал молчать, —
Замок на сердце, на уста печать!

Лишь прикоснулся свет к небесной тайне,
Лишь стал лазурным небосвод бескрайний.

Владыка удрученный повелел,
Чтоб во дворец явился винодел.

Тот, хоть не сразу, но признался все же,
Что виноград был куплен у вельможи,

Который сад на кладбище разбил,
Сровняв с землею холмики могил.

Шах истину раскрыл и по порядку
Вторую стал разгадывать загадку.

Но для допроса вызванный чабан
Решился на заведомый обман.

И, рассудив: с меня, мол, взятки гладки,
Сказал: «Ягненок был всегда при матке».

Вскипел властитель: «Ах ты, подлый змей!
Я знаю все, и ты мне лгать не смей!

Не то в темницу я тебя отправлю,
Прижгу железом пятки, обезглавлю!»

Овчар смекнул, что он попал впросак,
Ведь головы лишиться — не пустяк.

Владыке в ноги он упал со страху
И без утайки все поведал шаху.

Сказал он: «Был совсем ягненок мал,
Когда овцу голодный волк задрал.

Овчарка оценилась перед этим,
Я малыша к ее подсунул детям,

И сироту, сочтя его щенком,
Выкармливала сука молоком.

Я к поварам твоим сволок барашка,
Не ведая, сколь провинился тяжко».

Царь омрачился, истину узнав:
Прав средний брат! Неужто младший прав?

Страшась разгадки, погружен в унынье,
Пошел властитель к матери-шахине,

Стал вопрошать ее: «К чему нам ложь?!
Из этой жизни скоро ты уйдешь,

Ответ же прямо, с кем я кровью связан,
Кому существованием обязан?

Быть может, мой отец — простолюдин,
А не высокородный властелин?»

Шахиня-мать от гнева задрожала,
Как будто в сердце ей вонзилось жало;

«Сын оскорбляет мать! Какой позор!
Как смеешь ты болтать подобный вздор!

Лишь солнце, озарив просторы светом,
На месяц вправо тень бросать при этом.

Кто, кроме шаха, — можешь сам судить, —
В покои шахские рискнет вступить?»

Но мать не погасила ярость в сыне,
Пылая злобой, крикнул он шахине:

«Не погляжу на то, что ты мне мать,
Грех на душу не побоюсь принять!

Признайся же во всем без отговорок!
Неужто этот свет тебе не дорог?!»

Шахиня присмирела, оробев:
Был страшен падишах, впадая в гнев,

И если что-то было не по праву,
Без промедления вершил расправу.

Испуганная мать, как мел бела,
Судьбу свою Аллаху предала:

«Послушай, сын,— безмолвна, как могила,
Я эту тайну много лет хранила.

Случилось это давнею весной,
Был на охоте повелитель мой,

А я одна спала на царском ложе.
В те дни была я стройной и пригожей.

Еще я возлежала в полусне,
Принес в покои повар завтрак мне.

Мы пылки в юности, и вот, к несчастью,
Я воспылала неумной страстью,

Я целомудрием пренебрегла
И юношу на ложе привлекла.

Меня влекла неведомая сила,
И страсть мою судьба вознаградила,

И ветвь моя от вешней влаги вмиг
Плод понесла. Так ты во мне возник».

Прослушав сей рассказ необычайный,
Смутился шах от материнской тайны,

В печальные раздумья погружен,
Раскаялся в своем упрямстве он

И, став от этого еще печальней,
Покинул мать в ее опочивальне.

Потом, трех мудрых братьев посетив,
Угрюм был падишах и молчалив,

Лишь захмелев, души не стал он прятать,
Шкатулку тайн решил распечатать.

Сказал он братьям: «Правы были вы,
Я все проверил, все сошлось, увы!

Догадки все с действительностью схожи,
Осталось для меня загадкой все же,

Как скрытое смогли вы разгадать.
Прошу мне все, как было, рассказать».

Ответил шаху старший брат сначала:
«Когда я пил вино, мне грустно стало.

Подумал я: как страшно, ведь вино
Сердца и души веселить должно.

Спросил я братьев — оба отвечали,
Что также чувствуют прилив печали.

И понял я, что в том вине — слеза,
Что кровью мертвых вскормлена лоза».

Сказал второй: «Я ощутил заране,
Едва отсек ножом кусок бараний,

Вкус не ягненка, а совсем иной,
И рот густой наполнился слюной.

Я понял: пахнет псиной, не иначе,
Ведь даже бок похож был на собачий.

И догадаться было мне легко:
Ягненок пил собачье молоко».

Промолвил младший: «Нет во мне боязни,
Но поклянись, что я избегну казни».

И грозный шах поклялся всем святым,
Что младший брат пребудет неведим.

И тот сказал: «Теперь я все открою,
О государь! Представ перед тобою,

Тайком я за тобою наблюдал,
Твоим речам с пристрастием внимал.

По признакам, едва приметным глазу,
Распознаем мы венценосца сразу.

В тебе я царских черт не находил,
Но как знаток, о яствах ты судил.

О чем бы речь ни шла, ты постоянно
Сводил все к пище. Это было странно.

И понял я тогда: всего скорей,
В роду царевом не было царей».

Способность речи падишах утратил,
От удивленья он едва не спятил,

Потом сказал: «Бесчестье для царя —
Пролить во гневе кровь людскую зря.

Эй, двор! Покуда я не слеп от злости,
Седлать верблюдов! Уезжают гости!»

У братьев он просить прощенья стал:
«Ваш светлый разум выше всех похвал!

Перенимал я опыт ваш глубокий,
Вы дали мне полезные уроки,

Однако тот, чья доля кочевать,
К оседлости не должен привыкать.»

Потом он братьев одарил богато,
По сто динаров им отсыпал злата,

И путники, обласканы судьбой,
Счастливые отправились домой.

Они в родные возвратились дали,
Пред очи старого отца предстали,

И так обрадовался старый шах,
Что стал моложе прямо на глазах,

И стало крепким немощное тело,
И голова седая почернела.

Был удостоен старший сын венца,
Сел царствовать на черный трон отца,

Шатер ему достался цвета трона,
А младшим братьям — черные знамена.

Цвет славных Аббасидов — черный цвет,
Принадлежит он первой из планет,

И мрак ночей всегда бывает черным,
Нисходит он покоем животворным.

И родинка красавицы черна,
Как смоль, ее густых волос волна».

Бахрама рассказ убаюкал напевный,
И вскоре уснул он в объятьях царевны,

На ложе одной из прекраснейших роз,
Осыпанный прядями черных волос.

**ПРЕБЫВАНИЕ БАХРАМА ВО ВТОРНИК
В ПЯТОМ РАЙСКОМ САДУ ПОД АЛЫМ
КУПОЛОМ
И РАССКАЗ ТАТАРСКОЙ ЦАРЕВНЫ**

В багрянец окрасила вторник заря,
И солнце восстало, багрянцем горя.

Бахрам, в пламенеющий пурпур одетый,
И впрямь был подобьем багряной планеты.

Очистив свой дух от житейских тревог,
Бахрам удалился в багряный чертог.

Царевна, чьи очи пьяняще раскосы,
Пред ним расплела свои длинные косы,

И вмиг закрутился их черный поток
Вкруг талии, тоненькой, как волосок.

Искусно царю угождала царевна,
Он был опьянен и оттаял душевно.

Царило веселье, струилось вино
Весь день, до поры, когда стало темно,

И всплыли Стожары над ширью земною,
А солнечный блеск был присвоен луною.

Владыка, на ложе утех возлежа,
Велел, чтоб рассказ начала госпожа.

Склонилась красавица и для ответа
Отверзла уста свои алого цвета:

«Вовек да пребудет незыблем твой трон,
Чтоб царствовал шах до скончанья времен!

Пусть головы, где затаилась измена,
Покатятся под ноги шаху мгновенно.

Какими дарами тебя одарю?!
Ну что предложить я посмею царю?!

Мне милость, властитель, великую сделай:
Не слишком суди за рассказ неумелый».

Итак, снисхожденье моля у царя,
Царевна рассказ начала, говоря:

РАССКАЗ

Пять юношей однажды утром рано
Пустились в путь из города Мултана.

Один был сын царя, но — не у дел,
Ни властью, ни богатством не владел.

Второй купецким сыном был богатым,
Владел в достатке серебром и златом.

Был третий землекопом, но таким,
Что резал скалы заступом своим.

Четвертый был искусным древоделом,
Он волос мог теслом рассечь умелым.

А пятый в садоводстве был знаток,
С любым цветком вести беседу мог.

Друзья делили пищу и невзгоды,
Взял на себя купецкий сын расходы.

И, наконец, они пересекли
Рубеж бенгальской сказочной земли.

Их караван по рощам шел цветущим
И прибыл в град, подобный райским кущам.

В тени деревьев, радующих глаз,
Шатры погонщик водрузил тотчас.

Скитальцы красотой дворцов и пагод
Залюбовались после стольких тягот.

По улицам гуляя и садам,
Они увидели прекрасный храм,

Вошли в его распахнутые двери
И замерли, глазам своим не веря.

Виднелись изваяния вокруг,
Творения нечеловечьих рук,

Фигуры дев столь совершенных линий,
Что ослепляли смертного богини.

Был столь прекрасен каждый этот лик,
Что чужеземцы все забыли вмиг.

И вдруг узрели истинное диво.
Любая из богинь была красива,

Но этот образ девы неземной
Превосходил другие красотой.

На мраморном челе прекрасной лани
Виднелась надпись четкая: «Камрани».

Любовь на языке индийцев — «кам»,
А «рани» — госпожа. Вот ключ к словам.

Красавица, чей облик изваяли,
Влекла сердца, ее Камрани звали.

Стояли долго юноши пред ней.
Мгновения тянулись дольше дней.

Все пятеро окаменели разом,
Волненье страсти победило разум,

В сердца проникло, пламенем горя,
Но всех сильней сражен был сын царя.

Глаз оторвать не мог он от кумира,
Покуда ночь не скрыла светоч мира,

Покуда свод небесный не явил
В своей кумирне божества светил.

Решили возвратиться все к становью,
Лишь царский сын, охваченный любовью,

Сказал: «Увы! Безвольному беда:
А я лишился воли навсегда.

Кумир меня влечет сильнее магнита,
Об этот камень сердце в кровь разбито.

Я у подножья камня упаду
Иль образец его живой найду».

От этих слов, исполненных печали,
Друзья понурились и замолчали.

Увещевали — пользы никакой.
Все уговоры — только звук пустой.

Когда сердца безумной страстью дышат,
Владельцы их разумных слов не слышат.

Не в силах одержимому помочь,
Друзья с ним в храме провели всю ночь.

А тот, чье сердце ранила Камрани,
Сидел всю ночь подобьем изваяний.

Завесу тьмы рассвет порвал опять,
Влюбленный стал свои одежды рвать.

От пищи отказался он упрямо.
И четверо друзей ушли из храма,

Надеясь, что какой-нибудь мудрец
Подскажет им, как отворить ларец.

Они брели вдоль улиц бесконечных
И, пряча слезы, вопрошали встречных,

Почти не веря в то, что кто-нибудь
К разгадке тайны им укажет путь.

Один лишь старец знал секрет святыни,
Поведал все о каменной богине.

Сказал он: «В храме том изображен
Волшебный лик прекраснейшей из жен.

Живой цветок — двойник сего кумира
Незрим для глаз, надежно скрыт от мира.

Был ствол сухой. В стволе огромном том
Под самым небом вырубил дом.

Там не бывал ни разу посторонний,
Там пери, как звезда на небосклоне.

Живут с прекрасной девою в глуши
Лишь две служанки — больше ни души.

Вокруг жилья высокая ограда
И розы под зеленой сенью сада.

Хозяйка наслаждается вином,
Спускается гулять в саду густом.

В тот сад, от всех людей закрытый глухо,
Приходит лишь садовница-старуха.

Для девы рвет садовница цветы,
Плетет гирлянды дивной красоты,

Но тайну дома божества земного
Она хранит и — никому ни слова.

С ней не мешало б дружбу завести,
Она укажет к тайнику пути».

Так юноши на верный след попали,
Забыли сразу все свои печали,

Через людей цветочницу нашли
И скоро к ней в доверие вошли.

Купец старуху одарил на славу,
Такая щедрость ей пришлась по нраву.

Поскольку был немалый дан залог,
Душа ее раскрылась, как цветок.

Четыре юных друга убедились,
Что преданности золотом добились.

И вот непревзойденный садовод
Решил пустить свое искусство в ход.

Он плел гирлянды, и его умение
Старуху повергало в изумленье.

Гирлянды, ослепляющие взгляд,
Она красавице носила в сад

И за свои созданья выдавала,
Хоть мастерством таким не обладала.

Однажды мастер сплел из роз венки.
Такого смертный сделать бы не мог.

Узоры всех оттенков свил он с толком,
Казалось, что рисунок выткан шелком,

Сказал старухе мастер: «Поскорей
Неси венки заказчице своей».

И понесла садовница седая
Венок из роз — прекрасной розе рай.

Такого чуда юная звезда
Не видывала прежде никогда.

Так удивилась — палец прикусила,
Молчала долго, а потом спросила:

«Скажи, кто столь искусно сплел цветы?
Подобного не приносила ты.

Никто венки не делал столь красиво,
Ты не сплетишь вовек такое диво».

В ответ старуха: «Я своей рукой
Вдохнула жизнь в цветы — не кто другой!»

«Нет, не поверю я тебе, покуда
Не сотворишь при мне ты это чудо».

Сплела венок старуха, но, увы,
Он рядом с первым был пучком травы.

Садовница, не в силах отпираться,
Сказала: «Я должна во всем признаться.

Заезжий гость живет в моем дому,
Большой талант всевышний дал ему.

Его уменью, право, нет предела.
Что для него венок? Пустое дело».

И дева, услышав такой ответ,
Дала старухе несколько монет,

Сказав при этом: «Раз тебя он учит,
Пускай в награду золото получит».

Пришла домой старуха, весела,
И юноше монеты отдала.

Душа умельца свой бутон раскрыла,
И он друзьям поведал все, как было.

Те поняли, что цель недалека,
И ухватились за конец мотка.

Едва окутал мрак земные дали,
Друзья к себе садовницу позвали.

Червонным золотом заткнув ей рот,
Шкатулку тайн раскрыли в свой черед.

Поведали ей о своей кручине,
О храме и о каменной богине,

О сердце, изнывающим от мук,
О том, как страждет их влюбленный друг.

Садовница от страха обомлела,
Ей стало ясно, сколь опасно дело.

Вскричала: «Запечатайте уста!
Несбыточная вас влечет мечта!

Молва об этом каменном кумире
По всей земной распространилась шири,

Но всяк, вошедший в храм, кончал здесь дни,
Прихлопнут камнем этой западни.

К живой красавице закрыты двери,
Из камня сердце у прекрасной пери.

Жестокая не ведает любви,
И ноги каменные все в крови.

Упомянуть о ней никто не смеет,
А кто рискнет — расеудком не владеет.

Безумного такого смельчака
Немедленно лишают языка».

Вновь стали юноши молить старуху,
В отчаянье к ее взывая слуху,

Вручили снова ей богатый дар,
Поскольку золото всех сильнее чар.

Садовница смягчилась: «Я с базара
Обычно уношу лишь полдинара,

Но вашей платы счесть я не могу,
И потому пред вами я в долгу.

Поскольку ваша щедрость без предела,
Попробую устроить ваше дело.

Но знайте: головы моей цена
В той плате, что сегодня мне дана.

Что ждет меня, не ведаю, и все же
Желанья ваши жизни мне дороже.

Для вас добычу в сети изловлю
Или сама я угожу в петлю».

Сказал садовник: «Так или иначе,
Большого риска нет в твоей задаче.

Когда ты деву наведишь опять,
Мой дар ты ей попробуй передать.

Потом домой вернешься, как бывало,
И передашь мне, что она сказала».

Старуха молвила: «Всего-то дел?!
Все будет сделано, как ты велел».

Закрылся глаз нарцисса утром рано,
Раскрылась роза и бутон тюльпана.

Садовник в это утро встал чуть свет,
Сложил из роз невиданный букет.

Он повторил сплетенными цветами
Тот самый лик, изображенный в храме.

Он выткал даже имя из цветов,
И вот прекрасный образ был готов.

Старуха, не теряя время даром,
Порадовала пери дивным даром.

Красавица была потрясена,
Подобного не видела она.

Свой лик она узрела, даже имя
Смогла потрогать пальцами своими.

Когда же роз вдохнула аромат,
От страсти помутился ясный взгляд.

Любовь неожиданно душу пронизала,
Взволнованному сердцу тесно стало.

Сказала дева продавщице роз:
«Душе усладу твой приход принес!

Кто этот образ создал сообразный,
Вдохнул мне в сердце сладкие соблазны?

Мне этого волшебника добудь,
Чтоб на него хотя бы раз взглянуть».

Тотчас смекнув, что торг пошел на славу,
Старуха в рану подлила растраву.

И чтоб огонь красавицы разжечь,
К ней обратила ласковую речь:

«О солнце всех влюбленных в поднебесной,
Властителей влечет твой луч отвесный!

Пристало ли красавице такой
Из-за бродяг простых терять покой?»

Но пери становилась все упрямей.
Садовница лукавыми словами

В ее огонь лишь масла подлила
И страсть еще сильнее разожгла,

А после деву клятвою связала
И обо всем по чести рассказала:

О пятерых друзьях, пришедших в храм,
О сердце, рассеченном пополам,

О том, как искру высек мертвый камень,
Как полыхнул на сто фарсангов пламень,

Как запылал царевич страстью к ней,
Как вспыхнули сердца его друзей,

Что пери лишь сама, одна на свете,
Живой водой огни погасят эти.

Сказала среброликая луна:
«Увы, газель тобою пленена!

Немало львов, всегда готовых к драке,
У врат моих скулили, как собаки.

Но если уж моей твердыне пасть,
Но если в битве одолеет страсть,

Настрой скорее саз, чтоб двое юных
Сыграли песнь любви на звонких струнах».

Запомнила старуха все, как есть,
Пошла домой, неся благую весть,

Друзьям пересказала речи девы,
И словно летний дождь омыл посевы —

Так ликовали юношей сердца,
И не было той радости конца.

И стали вновь обдумывать затей,
Смекали вновь, как выбрать путь вернее.

К старухе обратились вновь друзья,
Решив, что ничего тайть нельзя:

«Любой из нас в своем искусен деле,
Владеем златом, чтоб достигнуть цели,

К тому же мы смекалкою сильны,
И трудности в пути нам не страшны.

Но есть одна нелегкая препона:
Красавица пока что благосклонна,

**А вдруг разрубит уговора нить
И тайну не захочет сохранить?»**

**Старуха, вновь сходя к своей хозяйке,
Друзьям пересказала без утайки**

**Весь разговор с красавицей вдвоем:
Мол, та стоит, как прежде, на своем.**

**И поздравляли юноши друг друга,
Узнав, что с ними заодно подруга.**

**Под вечер собрались друзья опять,
Чтоб все обдумать, знать, с чего начать.**

**И все свое умение хотели
Использовать в нелегком этом деле.**

**Сказал садовник: «Я, по мере сил,
Уже свою задачу завершил,**

**Но если будет надо, я с охотой
Вам снова помогу своей работой».**

**Промолвил землекоп: «Мой план таков:
Подземный ход я проложить готов**

**Под самый ствол, который к синей сфере
Вознес жилище луноликой пери».**

**Промолвил землекопу древодел:
«Будь ход проложен — я б тогда сумел**

**Теслом врубиться снизу в ствол древесный
И доверху проделать ход отвесный».**

**Сказал купец: «Пока мы заодно,
Возможностей немало нам дано.**

**Представьте, как могуче это братство:
Искусство ваше и мое богатство,**

И нашей дружбы золотой чекан —
Пожалуй, самый верный талисман.

Одно из двух: мы все утратим, либо
Наш друг несчастный скажет нам спасибо!»

Четыре друга, дав зарок такой,
Отправились немедля на покой.

Едва взошло светило из провала
И во дворце небесном засверкало,

Купец покинул мягкую постель.
Он загодя свою наметил цель.

Купил он сад, чтоб там дворец поставить,
Раствор и камни повелел доставить.

Был этот сад, как райский уголок,
Там понемногу стал расти чертог.

Возник сперва фасад многооконный,
Потом террасы, башенки, балконы

И столько переходов, столько зал, —
Никто бы их вовек не сосчитал.

Когда же купол возвели и шпили,
Друзья к другой работе приступили.

Сначала под одной из дальних зал
Стал землекоп искусно рыть подвал.

Потом проход пробил он в толще глины,
Прошел через подземные глубины.

Он шел подкопом в сторону ствола,
В котором луноликая жила,

Земля легко сдавалась твердой стали,
И мысли за киркой не попевали.

Работу мастер до конца довел
И точно вышел под гигантский ствол,

Отправился за другом-древodelом,
Чтоб дерево он сделал пустотелым.

Опять себе работу сталь нашла,
Врубалось лезвие в нутро ствола,

И от ударов острого металла
Все дерево гудело и стонало.

Теслом врезался мастер в твердый пенъ,
Он за ступенью прорубал ступень

И, выпотрошив сердцевину древа,
Достиг жилья, где обитала дева.

Осталось подпилить немного пол,
Проделал это мастер и ушел,

Подземным ходом в замок возвратился,
К садовнице почтенной обратился:

«Сходи проведать: точно ли верна
Своим словам прекрасная луна.

И если пери твердо держит слово,
Проверишь, нет ли там кого чужого.

Но если вышло, что ходила зря,
Простишься, ничего не говоря».

Пошла старуха к деве на свиданье,
И та уже томилась в ожиданье.

Проведав точно, что они вдвоем,
Старуха, не сказав ей ни о чем,

Ногою топнула о пол светлицы,
Откинулся обрубок половицы,

И древодел, покинув свой тайник,
С поклоном пред красавицей возник.

Раздался голос девы луноликой:
«О муж, достойный похвалы великой!

Я не встречала столь искусных рук.
Чем отплатить могу тебе, мой друг?

Будь гостем, всей душой тебе я рада,
Гостеприимство — лучшая награда.

Но если ты спешишь к друзьям своим,
Готова я сама явиться к ним».

Искусный муж красавице ответил:
«О сладкоустая, твой облик светел,

Но добрая душа еще светлей.
Ты столь участлива к судьбе моей.

Кто я? Лишь вестник, проходящий мимо,
Куда достойней тот, кем ты любима,

И если счастье улыбнется вам,
Молитву я всевышнему воздам».

Он замолчал, с красавицей простился
И тайным ходом в замок возвратился.

Хозяйка, заложив доской пролом,
Тайник прикрыла шелковым ковром.

Потом старуху вывела из дому
С поклоном кипарису молодому

И сунула в ладонь ей перстенок:
«Вручи ему любви моей залог.

Скажи: мол, жду, пускай приходит ночью.
Люблю, хотя не свиделись воочью.

Его, как повелителя, приму,
Невольницей готова стать ему».

Посланица пошла к друзьям и снова
Им все пересказала слово в слово.

Один из них помчался с вестью в храм.
По-прежнему сидел царевич там.

В нем еле-еле теплилось дыханье.
Весть услышав, он потерял сознание.

В себя пришел он, расступилась тьма.
От счастья он чуть не сошел с ума.

Когда из храма вышел он, сначала
От слабости влюбленного качало.

Так, ничего не помня, он достиг
Дворца, откуда к пери вел тайник.

В стенах он оказался незнакомых,
В подобных саду райскому хороммах,

Где звонких сазов слышался напев,
Где душу чаровали пляски дев.

Омыли слуги гостя, умастили,
В нарядные одежды облачили.

Затем была еда принесена,
Вкусил царевич пищи и вина.

Старуха же отправилась к невесте
И все ей доложила честь по чести.

Тогда газель решила, что сперва
На расстоянии подержит льва.

Мол, поглядеть на юношу не худо,
А свой покров не подымать покуда.

Сказала: «Да простит меня мой друг,
Но ничего не делается вдруг».

Царевич ей поверил в полной мере,
Не стал он домогаться нежной пери.

Когда окутал дали мрак ночной
Звезда Зухра предстала пред Луной,

Завесу сна красавица открыла
И, как луна, покои озарила.

Замкнула мигом двери, а потом
Открыла подпол — ход секретный в дом.

Мгновенья незаметно пролетели,
Явился лев на пастбище газели.

В любви два юных сердца поклялись,
И два светила озарили высь.

Хотя не видели друг друга прежде,
Любовь была опорой их надежде.

Увидев лик прекраснейшей звезды,
Воспрял пришлец, как от живой воды.

Когда она к его груди припала,
Он просиял и стал подобьем лала.

Всю ночь он был с прекраснейшей из роз,
Всю ночь тонул в потоке черных кос.

Пробился луч сквозь щель небесной сферы,
И мрак уполз в ущелья и пещеры.

Луна осталась в комнате своей,
В свою нору ушел крылатый змей.

Промчался день, и позднею порою
Они сошлись, и снова — пир горою.

Так, что ни день, благословляя тьму,
То шел он к ней, то шла она к нему.

И с каждым днем любовь меж ними крепла,
Она росла, как пламя из-под пепла.

С царевичем сидели раз друзья.
Сказал он: «Я молюсь на вас, друзья!

Вы для меня такое совершили!
Никто все это описать не в силе!

Вы мне мечту явили во плоти,
Но как бы от меня ей не уйти!

Уехать надо нам с цветком прекрасным,
Покуда скрытое не стало гласным».

Купец ответил: «Не печалься, брат!
Пускай в огне сердца врагов горят!

Потратили уже мы сил немало,
Чтоб на луну накинуть покрывало,

Так можем ли блаженную страну
Покинуть, не забрав с собой луну?!

Однако мы покроемся позором,
Коль увезем товар, подобно ворам.

С достоинством уедем в добрый час —
С почтеньем будут говорить о нас.

На шумный пир должны позвать мы шаха,
Затем луну туда ввести без страха.

Пусть глянет на сокровище дракон,
С ним скоро навсегда простится он».

Красавица сказала: «Жду лишь зова!
Здесь риск велик, но я на все готова!»

Узнав решенье молодой луны,
Купец пошел к властителю страны,

Дары пред шахом ценные раскинул,
И шах от удивленья рот разинул.

Сказал: «Тут столько дорогих вещей,
Что цену не исчислят казначей!

Все это мне?! Но чем тебе за это
Могу воздать? Скажи! Я жду ответа!»

«О государь, перед тобой купец.
По землям езжу из конца в конец.

Где б ни был я, общение с владыкой
Милей мне даже прибыли великой!

В любой стране чужой, в краю любом
Считаю честью встретиться с царем.

И если царь почитит мою обитель,
Устраняю пир, хоть он властитель.

Теперь тебе хочу я стать слугой,
Тебя приму я, как никто другой!»

Владыка оценил такое рвенье,
Растрогался и принял приглашенье.

Сказал: «Ступай! Когда назначишь срок,
Охотно посещу я твой чертог».

Купец вернулся к своему жилищу,
Велел для пиршества готовить пищу,

Украстить пышно восемь зал подряд,
Чтоб каждая была, как райский сад.

Так засверкала трапезная зала,
Что в небесах Зухре завидно стало.

Когда вечерний купол голубой
Свой кубок запрокинул золотой,

Отправился купец к владыке мира,
Чтоб возвестить ему начало пира.

Сверкали в зале грани хрусталей,
Мерцало море дорогих камней.

И шах явился, привлеченный пиром,
С двумя сановниками и везиром.

Спустилась ночь, уснули облака,
Вино струилось, как из родника,

И, покоряясь сладкозвучным сазам,
Душа парила, плыл в тумане разум.

Пока шумели гости, захмелев
От крепких вин, от ласки нежных дев,

Друзья тайком послали за Камрани,
Прося спуститься и почтить собрание.

В шелках под стать вороньему перу,
Она предстала в полночь на пиру,

Сводя с ума красою величавой,
Среди гостей прошла и вправду павой.

В одеждах черных, словно мрак ночной,
Она была сияющей луной.

Лукавый взгляд из-под высокой брови
Лишал гостей рассудка, жаждал крови.

Да что луна! Что блеск других светил!
Прекрасный лик на солнце походил.

Красавицу к застолью пригласили,
Стать виночерпием ее просили.

Кто брал из этих тонких рук фиал,
Тот не пьянел, но память вмиг терял.

Когда увидел шах красу газели,
Он растерялся: я в своем уме ли?

Ведь это наша светлая Луна!
Нет, я рехнулся! Это не она!

А вдруг она? Нет, опасенье ложно!
Луне сойти на землю невозможно!

Но если не она!.. Велик аллах!
Такой луны достоин только шах!

И снова царь почувствовал сомненье,
В конце-концов он потерял терпенье,

Велел слуге в святилище сходить,
Чтоб знать, что там луна, где должно быть.

Едва слуга исчез, Камрани следом
Ушла путем, что шаху был неведом,

Пришла к себе, ковром прикрыла щель
Переделась и легла в постель.

Гонец достиг ее жилья, и что же?—
Увидел он, что дева спит на ложе.

Едва лишь звук его шагов умолк,
Она надела снова черный шелк

И появилась вновь среди чертога,
Опередив того гонца намного.

И вновь собою радовала взгляд,
И памяти лишала всех подряд.

Пришел гонец, шепнул, что пери дома,
Что очи ей уже смежила дрема.

Подумал царь, что волновался зря,
И тяжкий камень пал с души царя.

Он чашу брал из пальцев девы милой,
И не вино — красавица пьянила.

Стал размышлять он, как наверняка
Такой цветок украсть из цветника.

Стремился к деве шах нетерпеливо,
И страсть его влекла на край обрыва.

Когда передрагсветный ветерок
С лица земли завесу тьмы совлек,

Еще сильнее владыку страсть томила,
Красавица сильнее вина пьянила.

Влюбленный царь, к тому же молодой,—
Способен ли сдержать он пламень свой?!

Сорвался лев с цепи, освободился,
Хотя пока в добычу не вцепился!

Держась еще нетвердо на ногах,
Пошел в жилище луноликой шах.

Ушел он с пира раньше луноликой,
Пришел — она была перед владыкой.

На свой колодец шах и не взглянул,
Хоть по незнанию в нем же утонул.

Искал он деву краше даже пери,
Но перед ним была все та же пери.

Он бедным был, не зная, что богат,
Имея все, искал зачем-то клад.

Он брел к ручью, от жажды изнывая,
Хотя в руках была вода живая.

Опять спустилась ночь, взошла луна,
На землю пало покрывало сна.

Купец явился в царские чертоги,
Душа царя исполнилась тревоги.

В его воображении возник
Вчерашней девы неприступный лик.

Отнекивался долго шах, однако
На пир приехал под завесой мрака.

Базар веселья ожил, и опять
Собравшиеся стали пировать.

Красавица пришла в другой одежде,
Сама казалась не такой, как прежде.

Была одета в черный шелк вчера,
Пришла сегодня в белом, как Зухра.

Была лампадой прежней, но при этом
Совсем другим она мерцала светом.

Едва лишь этот свет сверкнул в глазах,
В восторге замер ослепленный шах.

Забыл владыка о вчерашней пери,
Ему отшибло память в полной мере.

Признало сердце новой жажды власть,
Возникла к белому жасмину страсть.

Глаз не отвести от этой девы в белом,
Был дух царя готов расстаться с телом.

Вино носила дева, как вчера,
И пил властитель снова до утра.

Когда взошло слепящее светило,
Когда царя уже ко сну клонило,

Он думал, опьяненный красотой,
Что нынешняя дева лучше той.

Проснувшись, царь пришел в жилие Камрани,
Она его ждала уже заране.

Нахмурилась, глазами обожгла,
В смущенье венценосца привела.

Он понял вмиг, что взор безмолвный значил,
Стал бормотать, оправдываться начал,

Поскольку прочитал в глазах укор,
Был нерадивым страж, но ловким вор.

За край земли светило закатилось,
И небо в луг цветущий превратилось.

Высокий гость вернулся в райский сад,
Хозяин был его приходу рад.

Явилась дева к пиршеству, как прежде,
Теперь в зеленой, как листва, одежде.

Царь оторвать не мог от чуда глаз,
И страсть владыку жгла сильнее в сто раз.

Он думал: что за дивная обитель!
Как жалок мой дворец, хоть я властитель!

Купец владеет не одной луной,
Я, падишах, владею лишь одной!

Присвоить все — несправедлив я, скажут,
Смириться — тяжкий груз на сердце ляжет.

До третьих петухов он пил вино,
Но сердце девой было пленено.

Когда зашел он утром к луноликой,
Она уже стояла пред владыкой.

Красавица, меня свой наряд,
Морочила царя семь дней подряд.

Горячка страсти шахом овладела,
А хитрецы свое вершили дело.

От моря город был невдалеке, —
Проплыть фарсанг, не больше, по реке.

Друзья собраться стали в путь и вскоре
Готовы были отправляться в море.

Когда же сборам наступил конец,
Пришли проститься с шахом во дворец.

Сказали: «О вершитель доброй воли!
Пребудь вовеки на своем престоле!

Великий, снизойди к рабам своим!
Тебя за доброту благодарим!

Мы с прибылью немалой отплываем,
Хоть жалко расставаться с этим краем,

Где жили мы, обласканы тобой,
Безбедно, как за каменной стеной.

Мы едем дальше торговать товаром,
Не должен груз купца пылиться даром.

По воле неба и царя земли
Мы жили здесь и дом приобрели.

Когда судьба сулит нам возвращенье?!
Возьми же ты пока на попеченье

Все наше достоянье: этот дом,
Имущество и дев, живущих в нем.

От мыслей мы избавимся тревожных,
Коль будем знать, что дом в руках

надежных».

Когда о райских девах речь велась,
Душа царя от радости зашлась.

И он, воздав благодаренье богу,
Друзьям немало дал добра в дорогу.

Потом, на судно золото груза,
От всей души потешились друзья.

Шах, раскрывая пасть на их владенья,
Казну бы отдал всю без сожаленья.

Пробрал владыку нетерпенья зуд:
Когда же судно ветры унесут?!

А между тем в большой сундук заранее
Друзья надежно спрятали Камрани

И вскоре погрузили на ладью
Добро свое и спутницу свою.

Ладью погнал по глади ровной ветер,
Шах на коне помчался, словно ветер.

От берега к миражу он спешил,
Сдержать желанье не хватало сил,

И, думая о девах неотвязно,
Он прискакал к вместилицу соблазна.

Пронизывала шаха страсть клинком,
Вбежал он в дом, но ни души кругом.

В покоях приподнял он каждый полог,
Но не было в тенетах перепелок.

Он миновал семь зал и лишь в восьмой
Вдруг обнаружил подпол потайной.

Из этого чернеющего зева
Ежевечерне выходила дева.

Подземным коридором шах прошел,
Взошел по лестнице, откинул пол.

Гнездо пустое. Упорхнула птаха.
Разорвалось от злости сердце шаха...

Достигли юноши родной земли,
Благословив судьбу, домой пришли.

И зажили царевич с луноликой,
Забыв тревоги, в радости великой.

И только вспомнив продавщицу роз,
Красавица печалилась до слез.

Когда бывала изредка не в духе,
Царевич знал: тоскует по старухе.

Об этой дружбе помня много лет,
Всегда носили пери алый цвет.

Багряный цвет вселяет в сердце радость,
В рубиновом вине таится сладость.

Пунцовые бутоны красят сад,
Восход пунцов, и ярко-ал закат.

У тех, чья жизнь веселием богата,
Ланиты яркие, как цвет граната.

Сад Ибрагима был в цветенье ал,
И, как закат, огонь Мусы пылал».

Умолкла царевна в рубиновом платье,
И сонный Бахрам ее принял в объятье.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БАХРАМА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Сказитель безвестный семи куполов
Под сенью небесной семи куполов

Поведал, что шах от чертога к чертогу
Стремил свою страсть, словно лошадь в дорогу,

Что купол вселенной по воле творца
Бахрама увел из-под сводов дворца.

Давнишний азарт овладел властелином,
И вновь он скакал по широким равнинам.

Он гнал антилопу по далям степным,
Вдруг дивный онагр промелькнул перед ним.

Весь черный! Подобных не видели степи!
Он был, как светильник, мерцающий в склепе.

Два уха высоких, а сам невелик.
Не ноги — а струны! Исчез — как возник!

Он был вездесущим, как свет поднебесный,
Был сказкой о ветре онагр бессловесный!

Все шах позабыл — лишь его увидал,
Но зверь появлялся и вновь пропадал.

Не зверь в этой пыльной летел круговерти!
Казался он дивом и ангелом смерти!

Он все ускорял свой размеренный скок.
Царь гнал скакуна, но угнаться не мог.

Дав повод коню, он летел через пади,
И ветер отстал и вздыхал где-то сзади.

Пускал повелитель стрелу за стрелой,
Но стрелы не брали — был зверь как стальной.

Внезапно пред ними расщелина встала,
Онагр устремился в зиянье провала,

И сам Бахрам-гур, не сдержав скакуна,
Стремглав провалился в гробницу без дна.

Столь зоркий зрачок, пронизающий бездны,
Был слеп и не видел зияющей бездны.

Под куполом синим, под кругом луны
Бывает, что зрячие ослеплены.

В могилу никто не стремится на свете,
Но кто ее может избежать, ответьте?

Поспела к провалу дружина царя,
Но были, увы, все старания зря.

Бадьи опускали в глубины провала,
Но солнце наружу идти не желало.

Когда уже кануло солнце во тьму,
Извлечь его разве удастся кому?

Пещерой была роковая могила,
До сердца земли в глубину уходила.

Там не было влаги, теней и прохлад,
Лишь пламя гудящее — истинный ад!

Не выдала тайны подземная бездна.
Следов не нашли. Было все бесполезно.

Пришли землекопы, копали вокруг.
Трудились без устали тысячи рук.

На целый фарсанг здесь разрыли породы,
Повсюду пробили подземные ходы.

Дошли до воды, и забила вода,
Желанный источник исчез навсегда.

Все в город вернулись в глубокой печали,
В глазах были слезы, а губы молчали.

Неделю еще горевали, потом
Ходили все в трауре — все в голубом.

Но память, увы, не надежнее праха,
И вскоре забыли историю шаха.

Завещана яма глубокая нам,
Забычивых много покоится там.

Хранится живая вода в нашем теле,
Сосуд ненадежен — все щели да щели!

Быть может, и наш голубой небосвод —
Огромной гробницы изогнутый свод?

Мы так быстротечны под куполом этим:
Появимся — вскрикнем, уйдем — не заметим.

Что тело! Истлеет — останется прах.
Лишь доброе имя пребудет в веках!

Стремись к одному в этом царстве печали:
Так жить, чтобы после добром поминали!

Ведь злобный завистник, предатель и лжец
Живет на земле, но уже он — мертвец.

О ближних пекись — не забудут живые.
Наш век продлевают поступки благие!

КОММЕНТАРИИ

Аббасиды (749—1256)— династия. Халифы этой багдадской династии любили облачаться в черный цвет. Такого же цвета было и знамя.

Алифбе — букварь, азбука.

Аруз — правила восточного стихосложения.

Бахрам — популярный персонаж героических и романтических произведений; планета Марс.

Газель (газаль)— лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой.

Гурии — черноокие, прекрасные девы, которые, по поверию, услаждают праведников в раю.

Деларам — успокоительница сердец.

Дервиш — странствующий мусульманский монах.

Дехканин (дихканин) — крупный землевладелец, впоследствии так называли крестьян.

Джамшид (Джемшид)— легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Диван — собрание стихов.

Зухра — планета Венера. По легенде — женщина, за красоту и игру на чанге взлетевшая на небо.

Ибрагим — (библейский Авраам). По преданию, вошел в огромный пылающий костер, который тут же превратился в цветущий алыми розами сад.

Калам — тростниковое перо.

- Карнай — духовой музыкальный инструмент.
- Кытѣа — форма лирической поэзии. В отличие от газели, в кытѣа отсутствует первое спаренное двустипение. В таких стихах поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жалобы на судьбу и т. д.
- Коран — священное писание мусульман.
- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Меджнун теряет разум.
- Магриб — Северно-Западная Африка.
- Муса — библейский пророк Моисей.
- Муштари — планета Юпитер.
- Мухаммад (Магомет) — пророк, основатель мусульманской религии.
- Рахш — имя легендарного коня богатыря Рустама, героя «Шахнаме» Фирдоуси.
- Рубаи — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.
- Рум — Византия.
- Саз — струнный музыкальный инструмент.
- Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.
- Сура — глава корана.
- Тир — планета Меркурий.
- Фарсанг — мера длины у иранцев, равная шести километрам.
- Хаварнак — пиршественный зал (от персидского слова «хурангох»).
- Хызр — чудотворец, хранитель святой воды.
- Чанг — струнный ударный инструмент.
- Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

- На обложке — на приеме у Ширин. Из рукописи «Пять поэм» Амира Хосрова. Из фонда Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- На фронтисписе — портрет Хосрова Дехлеви. Работа художника Д. Имамова. Из фонда литературного музея имени А. Навои при Институте рукописей АН УзССР.
- Встреча Меджнуна и Лейли в степи. Из рукописи Хосрова Дехлеви «Меджнун и Лейли». Из фонда Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- Лейли гуляет в саду со своими подружками. Из рукописи «Меджнун и Лейли». Из фонда Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- Бахрам в Сандаловом дворце. Из рукописи «Куллият» Хосрова Дехлеви. Из фонда Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- Прогулка Искандера по саду. Из «Куллият» Хосрова Дехлеви. Из фонда Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- Хызрхан и Дувалрани во дворце. Из «Куллият» Хосрова Дехлеви. Из фонда Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- Мавзолей учителя поэта Низам-ад-Дина Аулия в Дели. Амир Хосров Дехлеви похоронен рядом со своим учителем.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Поэзия Хосрова Дехлеви. Предисловие Ша- нслама Шамухамедова	3
Газели	
О, свет небес, язык огня... Перевела Я. Ча- сова	5
Умный народ, что от забот...	6
Безмерно счастливы глаза... Перевел Дм. Се- дых	7
Я рассказать печаль моих ночей...	7
Я в этот мир пришел...	8
Ты сияла мне луною...	8
Вновь сердце бедное страдает... Перевел Н. Стрижков	9
Я по тебе схожу с ума...	10
Цветник в кипенье ярких роз...	10
Покой души моей потерял...	11
Немало с ней провел ночей...	12
В костре любви сгорело сердце...	12
О, как стерпеть...	13
Усладе глаз и свет очей...	14
С тонкостанной возлюбленной...	15
Подай мне чашу, виночерпий...	15
Влюбленные гордятся ранами...	16
Коль попал к прекрасной...	17

Жизнь мою сожгла печаль...	18
С возлюбленной я в разлуке...	18
Выйди, желанная, в сад...	19
Кытѡа. Перевел Н. Стрижков	20
Рубаи. Перевел Н. Стрижков	26
Рассказ о Меджнуне. Перевел А. Шамухамедов	34
Рассказ о собаке, которая в погоне за иллюзией потеряла реальность. Перевел А. Шамухамедов	35
Сыну Аин-ад-дину Хызру. Перевел А. Старостин	35
Назидание сыну. Перевел О. Румер	40
Наставление воину. Перевел О. Румер	43
Афоризмы. Перевел А. Шамухамедов	45
Восемь райских садов. Отрывки из поэмы. Перевел А. Ревич	49
Комментарии	118

Избранная лирика Востока

ХОСРОВ ДЕХЛЕВИ

И з б р а н н о е

**Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1980**

Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор Л. Шеина

Сдано в набор 10.11.79. Подписано в печать 11.01.80.
Формат $70 \times 90 \frac{1}{32}$. Бумага № 2. Гарнитура «Новая га-
зетная». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,68+7 вкл.

Уч.-изд. л. 4,564. Тираж 200000. Зак. № 2081.

Цена на мелованной бумаге — 75 коп.,
на типографской бумаге — 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

Дехлеви.

Избранное. Сост. Ш. Шамухамедов. Редкол.:
Д. Д. Джаббаров и др. Ред. Б. Пармузин. — Т.
Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1980. 128 с. (Избран-
ная лирика Востока).

Над. заг.: АН УзССР. Ин-т рукописей им. Х. С.
Сулейманова.

И(Иран)